

Михаил Булгаков

ЗАБЫТОЕ

Ранняя проза

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

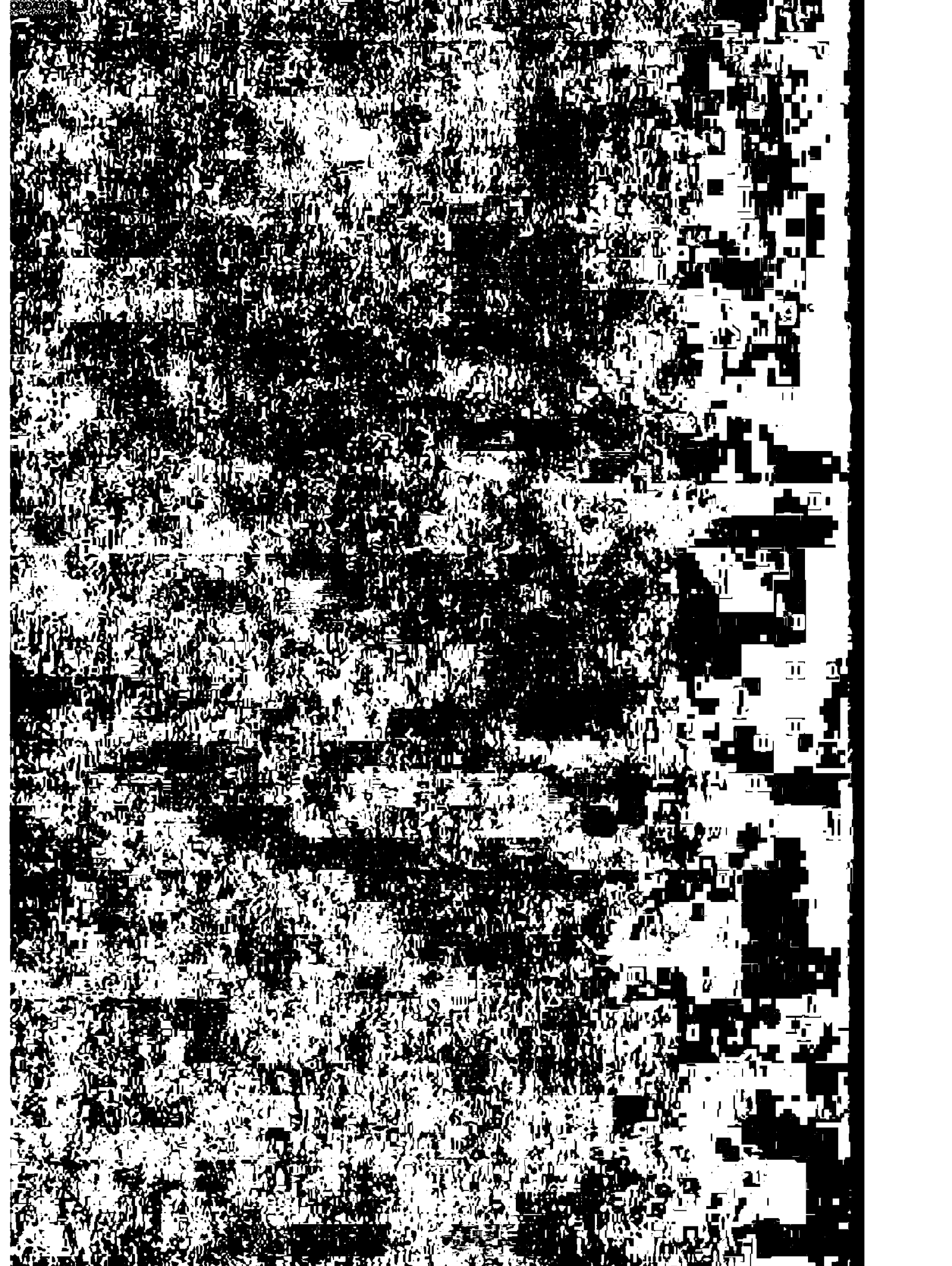
<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

Z 76.1431-29

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK · 29
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

М и х а и л Б у л г а к о в

З А Б Ы Т О Е

Ранняя проза

Составление и предисловие

Фолькера Левина

1 9 8 3

München · Verlag Otto Sagner in Kommission

Die vierte Veröffentlichung früher Kurzprosa Michail Bulgakovs in dieser Reihe enthält im wesentlichen Texte, die bisher nicht einmal bibliographisch erfaßt waren. Ein Gesamtregister zu den vier Bänden, die die frühe Prosa Bulgakovs für Forschung und Leserschaft vor dem Verlust bewahrt haben, ist beigelegt. Ich danke Herrn Dr. Levin und den Mitarbeitern des Slavischen Instituts der Universität zu Köln für die Vorbereitung dieser Edition.

Köln, Mai 1983

W.K.

Die Zeichnungen auf den Seiten 63, 98 und 122 wurden von Valentin Vorob'ev, Paris für diese Ausgabe angefertigt.

CIP-Kurztitelaufnahme der Deutschen Bibliothek

Bulgakov, Michail:
 Zabytoe : rannjaja proza / Michail Bulgakov.
 Sostavlenie i predisl. Fol'kera Levina. -
 München : Sagner, 1983.
 (Arbeiten und Texte zur Slavistik 29)
 Als Ms. vervielfältigt

NE: GT

Bayerische
 Staatsbibliothek
 München

Alle Rechte vorbehalten

ISSN 0173-2307

ISBN 3 87690 209 6

Gesamtherstellung Walter Kleikamp · Köln

83/12412

ПРЕДИСЛОВИЕ

После выхода в свет сборников "М. Булгаков, Ранняя неизданная проза" (1976), "М. Булгаков, Ранняя несобранная проза" (1978), и "М. Булгаков, Ранняя неизвестная проза" (1981)¹ казалось, что ранние прозаические произведения этого крупного писателя нашего века переизданы полностью в той мере, в какой это сегодня возможно. Тем самым они стали доступны литературоведческой науке и любителям русской литературы.

Однако при систематическом исследовании советских газет 20-х годов были обнаружены сегодняшнему читателю неизвестные, библиографически не охваченные до сих пор тексты. Так возникла необходимость издания четвертого сборника. В самой обширной из всех библиографий о Булгакове отсутствуют следующие произведения: "Остерегайтесь подделок", "Арифметика", "Тайны мадридского двора", "Ноября 7го дня", "Как он сошел с ума", "Московский Вавилон", "Обмен веществ", "Пустыня Сахара", "Банные дела", "Допрос с беспристрастием", "Кривое зеркало. Три застенка", "Как бороться с 'Гудком'", "Проглоченный поезд", "Шпрехен зи дейтч?", "Караул!", "Английские булавки", "Акафист нашему качеству", "Привычка", "Таракан", "Детский рассказ".²

Как и в сборниках "Ранняя неизданная проза" и "Ранняя неизвестная проза", в настоящем сборнике тексты расположены в хронологическом порядке, потому что разделение по жанровому принципу, как это было сделано в сборнике "Ранняя несобранная проза", привело бы из-за сравнительно малого объема произведений к излишней дробленности текста.

Фельетоны и юмористические рассказы, переизданные в этом сборнике, большей частью были впервые опубликованы в газете железнодорожников "Гудок". В той же газете в начале 20-х годов было напечатано Булгаковым более ста прозаических произведений.³

В то время как при составлении сборников "Ранняя неизданная проза" и "Ранняя неизвестная проза" в первую очередь учитывались литературно-эстетические достоинства произведений, в настоящий сборник включены и тексты, сравнительно невысокого художественного уровня, чтобы дать как можно более полное представление о раннем прозаическом творчестве Булгакова. Так, "Каэппе и Капе", "В школе городка III Ин-

тернационала" и "1-ая детская коммуна" рисуют картину становления советской системы образования. В очерке "Ноября 7-го дня" изображается 6-я годовщина Октябрьской революции без излишнего восторга. Так же объективно представлено в прозаической работе "Часы жизни и смерти" прощание москвичей с Лениным. Литературное качество этих произведений незначительно. Их ценность заключается в объективной информации о первых годах советского государства.

К лучшим с художественной точки зрения произведениям раннего Булгакова принадлежат "Пустыня Сахара" и "Угрызаемый хвост". Описание уголовников во втором рассказе, стоящих перед зданием МУРа в ожидании своего ареста, представляет собой гениальное переосмысление такого характерного явления социалистического быта, как очереди за предметами первой необходимости. О том, насколько свободно мог Булгаков в начале 20-х годов использовать тему высокой преступности, вызванной низким жизненным уровнем, свидетельствует и напечатанный впервые в просоветской эмигрантской газете "Накануне" очерк "Роль-Ройс или Доберман-Пинчер".⁴ Сегодня эта тема замалчивается.

Многие из фельетонов и рассказов Булгакова, опубликованных в 1922-26 годах в советской периодике, были подписаны псевдонимом. Поэтому это иногда усложняет определение авторства, тем более вполне возможно, что пока не все псевдонимы Булгакова расшифрованы. Что касается текстов этого сборника, не упомянутых до сих пор в критической литературе, можно сделать заключение об авторстве Булгакова по двум причинам. О нем говорят как типичный для ранних сатир писателя стиль, так и псевдонимы, которыми Булгаков подписывал также и другие одновременно созданные фельетоны. Так, например, подпись "М. Мишев" под юмореской "Банные дела" совпадает с псевдонимом, использованным в фельетоне "Пустыня Сахара". Псевдонимом "М.", указывающим на имя Булгакова, подписаны и очерк "Как бороться с 'Гудком'", и фельетоны "Документ-с", "Банан и сидараф", "Громкий рай", перепечатанные в сборнике "Ранняя неизвестная проза".⁵ В настоящем сборнике все псевдонимы сохранены, в то время как истинные подписи опущены, поскольку они не представляют собой составную часть данной юморески.

Некоторые из текстов, вошедших в настоящий сборник, являются вариантами работ, напечатанных впервые в 20-ые годы и переизданных

в сборнике "Ранняя несобранная проза". Так, "Золотые корреспонденции. Письмо сопроводительное", опубликованные впервые в вечернем выпуске ленинградской "Красной газеты", представляют собой вступление (от лица рассказчика) в цикл юморесок "Золотые корреспонденции ферапонта ферапонтовича Капорцева", отсутствующее в книжном варианте и в его переиздании в сборнике "Ранняя несобранная проза".⁶ Из "Золотых корреспонденций Ферапонта Ферапонтовича Капорцева" воспроизведен рассказ "Ванькин-дурак", так как он отличается по некоторым разночтениям от версии опубликованной в сборнике "Ранняя несобранная проза" (подробности см. в "Примечаниях" к настоящему сборнику). То же самое можно сказать об очерке "Караул!", в котором Булгаков бичует небрежное отношение к русскому языку некоторых современных ему писателей. Воспроизведенный в сборнике "Ранняя несобранная проза" вариант основывается на сильно искаженном советской цензурой переиздании.⁷

В подобных публикациях, осуществленных вне Советского Союза, не всегда имеется возможность в спорных случаях сравнить текст с первоизданием. Так как Библиотека им. Ленина не фотокопирует художественную литературу, часто приходилось прибегать к спискам, циркулирующим в любительских кругах. По этой причине нельзя исключить отдельных ошибок. Чтобы уменьшить число таких ошибок, тексты были сверены со всеми доступными переизданиями. Пунктуация во всех спорных случаях исправлена в соответствии с нормами современного русского правописания.

За предоставление части материала я очень благодарен своим друзьям. Прежде всего считаю своим долгом выразить глубокую благодарность профессору В.Казаку, который сделал возможной публикацию этого сборника, включив его в свою серию „Arbeiten und Texte zur Slavistik“, а также дал ряд ценных рекомендаций. Выражаю также благодарность г-же Барбаре Раульвинг, перепечатавшей материалы сборника, а также г-же Мустер и д-ру М. Раммельмейеру, просмотревшим корректуры текстов.

Volker Levin

¹ М. Булгаков, Ранняя неизданная проза. Составление и предисловие Фолькера Левина. München 1976. (Arbeiten und Texte zur Slavistik. 12.); М. Булгаков, Ранняя несобранная проза. Составление

Фолькера Левина и Л. В. Светина. Предисловие Фолькера Левина. München 1978. (Arbeiten und Texte zur Slavistik. 20.); М. Булгаков, Ранняя неизвестная проза. Составление и предисловие Фолькера Левина. München 1981. (Arbeiten und Texte zur Slavistik. 24).

² An International Bibliography of Works by and about Mikhail Bulgakov. Compiled by Ellendea Proffer. Ann Arbor 1976.

³ О "Гудке" и о технике Фельетона Булгакова см. в предисловии к "Ранней несобранной прозе", стр. 6 - 10.

⁴ О "Накануне" и о связи Булгакова с этой газетой см. в воспоминаниях Эм. Миндлина, "Накануне" и "Михаил Булгаков", в его кн.: Необыкновенные собеседники. Москва. Издание второе, исправленное и дополненное 1979, стр. 129 - 159, 160 - 172, в сжатом виде в предисловии к "Ранней неизданной прозе", стр. 5. Первая публикация очерка "Роль-Ройс или Доберман-Пинчер" в "Накануне", 16.6.1923, стр. 2. Перепечатка в "Ранней неизвестной прозе", стр. 17 - 24.

⁵ Все три фельетона были впервые опубликованы в "Гудке": "Документ-с", 23.8.1924, стр. 4, "Банан и сидараф", 27.11.1924, стр. 6, "Громкий рай", 30.6.1926, стр. 4, Перепечатка в "Ранней неизвестной прозе", стр. 71 - 72, 106 - 108, 188.

⁶ Первая публикация этого цикла в кн.: М. Булгаков, Рассказы. Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала "Смехач". Ленинград 1926, стр. 15 - 29. Перепечатка в "Ранней несобранной прозе", стр. 149 - 155. (Подробности см. в примечаниях).

⁷ Первая публикация: в "Журналисте", 1925, № 6 - 7, стр. 65, Одинаковые перепечатки в "Литературной газете", 4.9.1974, стр. 16 и в "Ранней несобранной прозе", стр. 96 - 97. (Подробности см. в примечаниях).

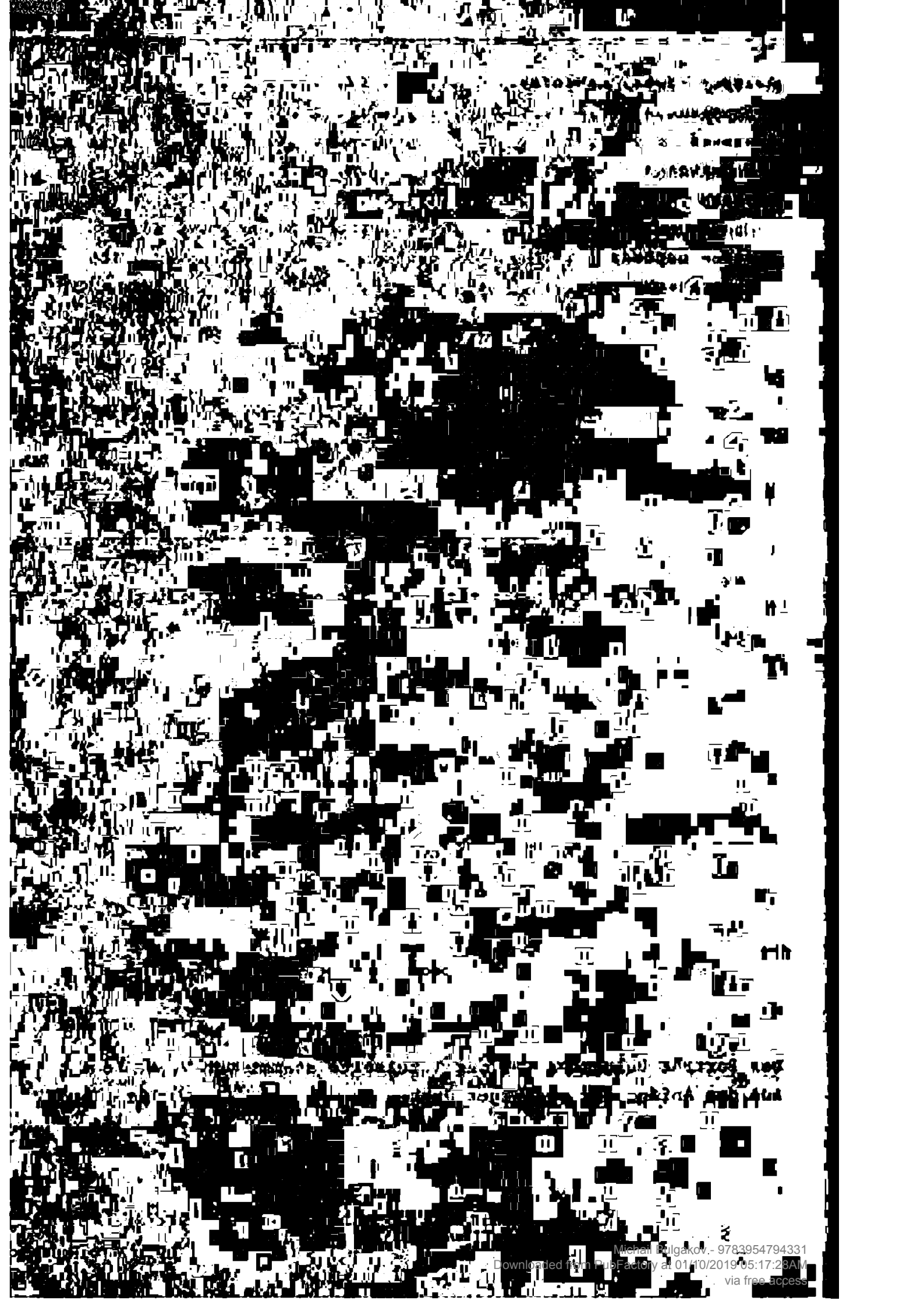
СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Казнь и Капе	13
<i>Примечания</i>	128
В школе городка III Интернационала	19
<i>Примечания</i>	128
1-ая детская коммуна	23
<i>Примечания</i>	128
В театре Зимина	28
<i>Примечания</i>	128
Птицы в мансарде	30
<i>Примечания</i>	128
Остерегайтесь подделок!	34
<i>Примечания</i>	128
Арифметика	36
<i>Примечания</i>	128
Тайны мадридского двора	38
<i>Примечания</i>	128
Ноября 7-го дня	41
<i>Примечания</i>	128
Как он сошел с ума	43
<i>Примечания</i>	128
Часы жизни и смерти	46
<i>Примечания</i>	128
Московский Вавилон	49
<i>Примечания</i>	129
Обмен веществ	54
<i>Примечания</i>	129
Повесили его или нет	56
<i>Примечания</i>	129
Пустыня Сахара	60
<i>Примечания</i>	129
Незаслуженная обида	66
<i>Примечания</i>	129

Банные дела	68
<i>Примечания</i>	129
Допрос с беспристрастием	73
<i>Примечания</i>	129
Кривое зеркало. Три застенка	75
<i>Примечания</i>	129
Как бороться с "Гудком"	79
<i>Примечания</i>	129
Ре-ка-ка	81
<i>Примечания</i>	129
Проглоченный поезд	83
<i>Примечания</i>	129
Гибель Шурки-уполномоченного	85
<i>Примечания</i>	129
Круглая печать	87
<i>Примечания</i>	129
Приключения стенгазеты	90
<i>Примечания</i>	129
Удачные и неудачные роды	93
<i>Примечания</i>	130
Свадьба с секретарями	94
<i>Примечания</i>	130
Золотые корреспонденции. Письмо сопроводительное	96
<i>Примечания</i>	130
Ванькин-дурак	97
<i>Примечания</i>	130
Шпрехен зи дейтч?	100
<i>Примечания</i>	130
Угрызаемый хвост	102
<i>Примечания</i>	130
Караул!	104
<i>Примечания</i>	131
Дрожжи и записки	107
<i>Примечания</i>	131
Английские булавки	109
<i>Примечания</i>	131

Акафист нашему качеству	111
<i>Примечания</i>	131
Привычка	114
<i>Примечания</i>	131
Таракан	116
<i>Примечания</i>	131
Детский рассказ	125
<i>Примечания</i>	131

Das Porträt Bulgakovs vor der Titelseite stammt von V. N. Deni
aus dem Anfang der zwanziger Jahre.

КАЭНПЕ И КАПЕ

Большая комната. За столом расположилась комиссия и секретарь с кипой заявлений. В коридоре за дверью ожидает очереди толпа школьных работников. Вызывают первую фамилию. Дверь открывается, показав на мгновение несколько взволнованных лиц, и входит учительница. Она работала эти годы в провинции, теперь приехала в Москву. Одета бедно и по-провинциальному - на ногах сапоги мужского фасона. Еще у двери тяжело вздыхает.

- Садитесь, пожалуйста.

- Мер...си, - говорит учительница прерывающимся голосом и садится на кончик стула. Просматривают ее заявление и анкету.

- Чем же вы занимались там с детьми?

- Экскурсии... - говорит тихо испытуемая.

- Ну расскажите же, что вы делали на экскурсиях?

Пауза. Учительница шевелит пальцами, потом говорит то бледнея, то краснея.

- Ну... цветок разбирали...

- Как разбирали, расскажите.

Пауза.

- Ну, разбирали... Зачем? С какой целью?

Учительница после тяжелого вздоха:

- Кра-со-та...

- Какая красота?

- Цветок... красивый... Рассказывала детям, какой цветок красивый...

- Вы полагаете, что дети получают представление о красоте цветка из ваших рассказов?

Молчание и предсмертная тоска в глазах кандидатки. На верхней губе мелким бисером выступает пот.

- Что читали по экскурсионному делу?

Молчание.

- Читали что-нибудь?

Молчание.

- Достаточно, - со вздохом говорит председатель.

Кандидатка, шумно и глубоко вздохнув, уходит.

- Каэнке, - говорит председатель, - плохо. (КИП означает "кан-

дидатура не приемлема").

Следующая желает поступить в детский дом.

- Какие цели ставит себе детский дом?

- Я бы постаралась развить детей, занялась бы с ними...

- Погодите. Какие цели ставит себе детский дом?

- Я бы старалась...

- Цели какие ставит себе детский дом?

- Я бы...

- Ну, хорошо. Что бы вы делали с детьми?

- Я бы... э... познакомила их с новыми современными течениями..

я бы...

- Говорите попросту, по совести. Какие там современные течения... Что бы вы делали с детьми? Просто. Может быть это в тысячу раз лучше было бы, чем все эти ухищрения и течения.

- Праздники бы устраивала... я бы...

- Гм... Какое значение праздникам придаете вы в жизни детей?

- Они рвутся... поездки... 1 май...

- Какое значение придаете праздникам?

- Я бы...

- Достаточно.

Немка. Говорит с акцентом.

- К русскому языку прибегаете на уроках?

- Я стараюсь... избегать. Ухо ребенка привыкает...

- Расскажите по-немецки, как занимаетесь?

- Ja... das ist sehr schön, - и немка бойко рассказывает о своей методе.

- Достаточно.

Немка вежливо говорит и прощается:

- Danke schön. Auf Wiedersehen!

Ка пе. Хорошо. (КП - кандидатура приемлема).

Пожилая учительница из Самары. Со стажем.

- Какой состав учеников был там у вас в школе?

- Русские, немцы и... хохлы.

- Помилуйте, - укоризненно говорит председатель, - зачем же так называть? Неприятно же будет, если нас станут называть - кацапы! Украинцы, а не хохлы.

- Какие же украинцы... - равнодушно протестует учительница,

украинцы больше на Украине. А наши заволжские... так... хохлы. Они и говорят-то неправильно...

- Гм... тэк-с. Русскому языку учили? Какими книгами пользовались?

- Да какие там у нас книги. В начале революции солдаты стояли, все книги выкурили.

- Гм... что ж вы делали?

- Экскурсии.

- По плану экскурсии?

- О, да.

- Куда же водили детей?

- На костомольный завод. На раскопки.

Еще несколько вопросов. Отвечает складно. Дело, по-видимому, смыслит. Кой-что читали. Достаточно.

Идут следующие. Кого тут только нет. Вон на клубную работу желает - специальность - ритмика, пластика, пение. Учительница немецкого языка. Учитель. Кандидатка на должность руководительницы в психо-неврологической клинике. Воспитатель в интернате. Большею частью малоквалифицированный и малознающий элемент.

Вот одна в платке, в черном пальто. Желает руководить детским домом.

- Какую литературу читали?

- "Воспитательное чтение" Балталона, "Трудовую школу" Сеницкого.

- А еще?

Молчание.

- Ваш взгляд на работу руководительницы детского дома?

- Я сочувствую новому течению.

- В чем?

Молчание.

- Что будете делать с детьми?

- Праздники... 1-е мая...

- Какое же объяснение дадите детям 1-го мая?

- Кому? детям?

- Ну, да. Детям.

Молчание.

- Что празднуется 8-го марта?

Молчание.

- О международном дне работницы слышали?

Молчание.

- Газеты читаете когда-нибудь?

- Кхм... нет... газеты мало приходится.

- Достаточно. Ка эн пе.

Следующая. Тоже стремится в детский дом.

- Что будете делать с детьми?

- Праздники... 1-е мая.

- Гм... ну, а кроме праздников. Например, вот если придется по религиозному вопросу с детьми гово...

- Я против всякой религии! - бодро отвечает кандидатка.

- Гм... ну, это хорошо. А вот с детьми если придет...

- Религия - дурман для народа! - уверенно отвечает учительница.

- Ну да. Но если с детьми придется...

- Да, церковь отделена от государства!

- Ну, да. Но если придется с детьми говорить по вопросу о религии. Вот, например, слышат дети колокольный звон. Заинтересуются. Какое собеседование с ними устройте.

Молчание.

- О комплексном методе преподавания что скажете?

- Я что-то не слыхала о нем...

- Гм. Достаточно.

Молодой учитель из захолустья - из города Сурожа. Приехал сюда учиться в медико-педагогическом институте. Средств нет. Хочет поступить преподавателем в школу.

- Как же вы будете совмещать институт со школой? От этого вред и институту и школе.

- Что поделаешь, - вздыхает, - многие так делают. Придется жертвовать частью лекций. Трудно приходится.

И, действительно, видно трудно. Полушубочек старенький на нем. Замасленная рубашка.

Комиссия начинает задавать вопросы. Складно рассказывает об устройстве экскурсии.

- Почему весной хотите устраивать экскурсии?

- Весной природа возрождается. Будут наблюдать распускание цветов.

- Какой первый цветок встретите. Самый ранний?

- Сон-трава.

Еще вопросы. Отвечает продуманно. На наиболее замысловатые вопросы честно говорит:

- Этого я сам не уяснил себе.

Комиссия совещается и дает ему испытательный стаж.

Вот квалифицированная. С высших женских курсов. Оканчивает Петровскую академию. Желает во 2-ю загородную школу с сельскохозяйственным уклоном. Можно. Ка пе.

Вот уже пожилой учитель. В руках фуражка с вылинявшим бархатным околышем. Преподавал в провинции в Моршанске в школе 2-й степени французский язык и русский. Писал в газетах. Вот его стихотворение "Учащейся молодежи". Гимн.

- Переведите ваш гимн на французский язык.

- A la jeunesse étudiante... - начинает учитель, - ... nous espérons...

Немного запинаясь.

- Произношение у вас неважное. А вот по русскому языку расскажите, что делали?

- Я должен сказать... - учитель, кашлянув, продолжает, - на занятиях тяжело отражалось отсутствие топлива... Дров не было. Холодно. Но кое-что, все-таки сделали.

Рассказывает, как разбирал произведения Горького, Чехова, по поводу темы "Об общественном служении".

Комиссия совещается, признает его достойным занять место преподавателя русского языка.

Еще идут. Все больше неквалифицированный элемент. Мало читали. Мало знают. Вялы, безинициативны.

Но вот одна. Хочет в детский дом. Отвечает бойко. Есть навык, сметка. Сбивается только на одном. Комиссия спрашивает о том, какие стихотворения даст в первой группе детям.

- А вот тютчевское -

Умом России не объять,

Аршином общим не измерить,

У ней особенная стать, -

В Россию можно только верить...

- Это дали бы?

Учительница мнется...

- Это? Кхм...

- Как бы вы объяснили слова: в Россию можно только верить?

Вздыхает. Мнется.

- Сами как бы их истолковали?

Молчит.

- Ну как их истолковать?

- Н... не знаю, - сознается учительница.

За дверь все меньше народа. Уменьшается стопка заявлений. Проходят последние.

Молодой человек с треском проваливается - ничего не читал. Пыхтит. Молчит. Казнпе.

Молоденькая учительница из провинции. Ничего не читала. Знаний никаких. Краснеет. Кудряшки прилипают ко лбу.

Плохо. Казнпе.

- Все, - говорит секретарь. Комиссия встает и расходится. По коридорам бодро уходят те, что отвечали удачно, и несчастливцы, чующие отрицательный ответ.

Комната пустеет. Пустеет коридор.

В ШКОЛЕ ГОРОДКА III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Полдень. Перемена. В гулком пустынном зале звенят голоса.

- Вол-о-о-дя!

Круглоголовый стриженный малый, топая подшитыми валенками, погнался за другим. Нагнал, схватил.

- Сто-ой!

Две девочки, степенно сторонясь, прошли в коридор. Под мышкой ранец, у другой связка истрепанных книжек. Туго заплетены косички и вздернуты носы. Прошел преподаватель, щурясь сквозь дешевенькие очки. На преподавателе студенческая тужурка, косоворотка, на ногах тоже неизбежные валенки.

- Володька! Володька!

И Володьку к стене спиной - хлоп!

Разъяренный Володька полетел за обидчиком. Засверкали Володькины пятки. Володька маленький, а ноги у Володьки как у слоненка, потому что валенки.

Сверлит в зале звон. Гулкие коридоры. Полдень. Перемена.

В музее тишина и глухо доносится в светлую комнату Володькин победный вопль.

В музее тишина и стены глядят бесчисленными цветными рисунками. И-с-т-о-р-и-я р-е-в-о-л-ю-ц-и-и. Печатными крупными буквами. Ниже рядами ученические рисунки. 9 января 1905 года. Толпой идут рабочие. Вон - цветные баррикады. Забастовка.

Пестреют стены. Заголовки - "Родной язык". Под заголовком на картинке рыжая лисица. Хвост пушистый, а на морде написана хитрость и умиление. Это та самая лисица, что глядела на сыр во рту глупой вороны. Ниже по улицам слонов водили. И слон серо-фиолетового цвета, одинокий, добродушный, идет мимо булочной с деловым видом, а испуганные прохожие разбегаются. Один зевака тащится за тонким слонячьим хвостом.

Известно, что слоны в диковинку у нас. В школе широко принят иллюстративный метод. Слушают ребяташки 1-й ступени Крыловские басни и рисуют, рисуют, и стены покрываются цветными пятнами, и вырастает живой настоящий музей. Разложены альбомы, полные детских рисунков, иллюстрирующих классное чтение.

Крепостное право. Рисунки, снимки с картин. На противоположной

стене - коллекция по естествознанию. Засушенные растения. Эта коллекция - результат экскурсий учеников за Москву.

А вот экскурсии по Москве. Старорусские яркие кафтаны. Цветные мазки. Это ребята зарисовывали в Кремле.

По обществоведению читали им курс, и старшие группы дали ряд диаграмм.

Музей полон живым духом. В рисунках - от этих стройных диаграмм до кривых и ярких фигурок людей в праздничных одеждах с изюминками-глазами - настоящая жизнь. Все это запоминается, останется навсегда. Это не мертвая схоластическая суть учебы, это настоящее ученье.

*

В зале и коридорах стихло после перемены, и в маленьком классе за черными столами двадцать стриженных и с косичками голов.

- Wieviel Bilder sind hier?

- Hier sind drei Bilder. Bilder.

Малый шмыгнул носом и опять читал:

- Хир зинд дрей.

- Драй, - поправила учительница и малыш со вздохом согласился:

- Зинд драй...

И посмотрел так, чтобы увидеть одновременно и покрытую кляксами страницу и того, кто вошел.

Здесь одна из младших групп занимается по-немецки.

А в физическом кабинете за столами, уставленными приборами, те, что постарше, заняты практическими работами по физике. Стучит метроном, в колбе закипает жидкость, сыплется дробь на весы, и пытливые детские глаза следят за шкалой термометра.

В классе самой старшей группы 2-й ступени за старенькими партами подростки решают задачу по физике о грузе, погруженном в воду. Преподаватель, пошлепывая валенками, переходит от парты к парте, наклоняется к тетрадкам, к обкусанным карандашам, близо-руко щурится...

*

Потом звонок. Опять перемена. Опять вместо тишины высоко взмывающий гул.

Из класса, где шел урок одной из старших групп, выходит преподаватель-математик. Студенческая тужурка. Потертые брюки упрятаны в те же неизбежные валенки.

- Холодно у вас.

- Нет, тепло, - отвечает он, радостно улыбаясь.

- То есть как? Я в шубе, а тем не менее...

- А бывает гораздо холоднее, - поясняет математик.

И действительно, видно, что и ребяташки и учителя не избалованы теплом. Все они почти в пальто. Но есть и стойкие, привычные люди. И этот человек с лицом типичного студента, бодро часами сидит в школе в одной тужурке, постукивает мелом и рисует на доске груз в 5 килограммов или термометр, на котором полных пятнадцать градусов. Настоящий термометр, однако, показывает меньше. И даже гораздо меньше, судя по тому, что все время является желание засунуть руки в рукава.

*

Да, в школе холодно. Школа бедна. Шеф ее - Коминтерн - дал ей немного угля, но вот уголь вышел, и школа выкраивает из своих скудных средств гроши на дрова. И покупает их на частном складе.

Школа бедна. Не только топливом. На всем лежит печать скудости. Кабинет физический беден. Приборов так мало, что сколько-нибудь сложных показательных опытов поставить нельзя. Беден естественный кабинет. Доски, парты в классах - все это старенькое, измызганное, потертое, все это давно нужно на слом.

Живой дух в школе, но при 10° и самый живой начинает ежиться.

*

Смотришь на преподавательниц, которые суетятся среди малышей. Смотришь на эти выцветшие вязаные кофточки, на штопаные юбки, подшитые валенки и думаешь:

- Чем живет вся эта учительская братия?

Этот математик - секретарь совета получает 150 миллионов в месяц.

- Одеваться не на что, - говорит математик и снисходительно смотрит на свою засаленную университетскую оболочку, - ну, донашиваем старое.

- Можно, конечно, прирабатывать частными уроками, - рассказывает учитель, - но на них не хватает времени. Школа берет его слишком много. Днем занятия, а вечером заседания, комиссии, совещания, разработка учебного плана... Мало ли что...

Что может быть в результате такой жизни?

Бегство бывает. Каждую весну, не выдержавшие, пачками покидают шатающиеся стулья в классах, идут, куда глаза глядят. На конторскую службу. Или стараются попасть в Моно.

При слове "Моно" глаза учителя загораются.

- О, Моно!.. - он сияет, - у Моно ставки в три раза больше...

- $150 \times 3 = 450$, - мысленно перемножаю я.

- Там замечательно... - ликует математик, - школы Моссовета бога-а-тые... А наши... - он машет рукой, - наши...

- Какие ваши?

- Да, вот - Главсоцвосовские. Все бедные. Трудно. Трудно. Потому и бегут каждую весну. А бегство - школе тяжкая рана. Приходят новые, но преемственность работы теряется, а это очень плохо...

*

Опять кончается перемена. Стихает в коридорах. За партами рядами вырастают стриженные головки. Пора уходить.

*

О положении учителей писали много раз. И сам я читал и пропускал мимо ушей. Но глянецвитые вытертые локти и стоптанные валенки глядят слишком выразительно. Надо принимать меры к тому, чтобы обеспечить хоть самым необходимым учительские кадры, а то они растут, их съест туберкулез, и некому будет в классах школы городка III-го Интернационала наполнять знанием стриженные головенки советских ребят.

М.Б.

1-Я ДЕТСКАЯ КОММУНА

Одна из руководительниц в пальто и калошах стояла в вестибюле и говорила:

- Заведующий поехал на заседание, а Сергей Федорович пошел по воинской повинности, и мне, как на зло, сейчас нужно уходить. Такая досада... Как же тут быть? Впрочем, может быть, вам Леша все покажет?..

Дискант с площадки лестницы отозвался:

- Леша чинит замки.

- Позовите Лешу!

- Сейчас!

И вверху дискант закричал:

- Ле-еша!

Послышались откуда-то издали сверху звуки пианино, а в ответ ему птичье пересвистыванье и писк. В вестибюле висел матовый с бронзой фонарь, было тихо и очень тепло, и, если бы не плакат, на котором с одной стороны был мощный корабль, с другой паровоз, а посередине - "Знание все победит", - казалось бы, что это вовсе не в Коммуне, а дома, как в детстве - в доме уютном и очень теплом.

Леша пришел через несколько минут. Леша оказался председателем президиума детской коммуны - блондином-подростком в черных штанах и защитной куртке. В руках у него были старенькие замки. За Лешей тотчас вынырнул некто круглоголовый, стриженный и румяный. Из распросов выяснилось, что это никто иной как -

- Кузьмик Евстафий, 13-ти лет.

Кузьмик Евстафий был в серой куртке, коротких серых же штанах и по-домашнему совершенно босой.

Леша повел в светлый зал-студию художественного творчества. Тут руководительница ушла, облегченно вздохнув, и на прощание сказала еще раз:

- Они вам все объяснят...

Студия - как музей. На стенах, столах, на подставках нет клочка места, где бы не было детских работ. Высоко на стене надпись:

"Не сознание людей определяет их бытие, но напротив - общественная жизнь определяет их сознание". Под надписью ряды рисунков,

а на широких подставках сделанные из картона, палок и ваты - снежные пространства и юрты, северные угрюмые люди в мехах и олени.

- Какая жизнь у них, такой и бог, - говорит Леша. Это верно. При такой жизни, хорошего бога не сочинишь, и бог северных некультурных людей - безобразный, с дико-изумленными глазами, немный, по-видимому, и мрачный, холодный, северный бог на стене.

Светает, товарищ,
Работать давай.
Работы усиленной
Требует край.

Под четверостишием - завод имени Бухарина. Он электрофицирован! У картонного корпуса - лампа. К ограде идут рабочие. И сразу видно, что они сознательные, потому что у одного из них в руках газета.

Рядом макет: "Как жил рабочий раньше и теперь". В правой половине тьма, сумерки, мрачная печь, голый стол, теснота, нары, в левой - опрятная комната с занавесками, мебель, просторно и чисто.

"Школа прежде и теперь". Прежняя школа под эмблемой: цепь, религиозная книжка, кнут; новая - под серпом и молотом. В старой школе - выпиленные из дерева горбатые ученики уткнулись носами в парты, и стоит сердитый учитель с палкой. В новой - парт нет. Там телескоп, там станки, рубанки, книги. И розоватый свет льется через огромные окна в новую просторную школу.

- А вот некоторые девочки думают, что с партами лучше, по-прежнему, - говорит Леша.

Школа, фабрика, театр - нет угла жизни, который бы не отразился в рисунках и макетах, сотворенных детскими руками в этой огромной комнате, где разбегаются глаза. Старшие ребята соорудили макеты к "Вию", младшие нагромодили маленькие примитивные и наивные макеты с декорациями к пьесам, которые они видели.

Стена полна рисунков карандашом и красками. И сверху гордо красуется надпись "Иллюстрация".

- А почему одно "л"?

- А это малыш ошибся.

Под "иллюстрацией" все, что угодно. В красках: красноармеец продает цветок в день борьбы с туберкулезом. Покупают его два явных буржуа и буржуйка в мехах. Видел малыш такую сцену и нарисовал:

"Охота зимой на зайца" - представлена лихим охотником и зайцем, который перевернулся кверху ногами. Другой заяц сам летит на охотника. Рисунки, рисунки... Дальше детские поделки: валенки, перчатки, сумочки, рукоделье.

- Это девочки делали.

В теплом коридоре рядом со студией свистят и перекликаются птицы. Прыгают по жердочкам чижи и воробьи.

И лишь открывается дверь в класс естествознания, рыжая белка с шорохом сбегает со стола, прыгает на Кузьмика Евстафия, цепляясь, заглядывает острой мордочкой в карман.

В светлом классе - все жизнь. Побег вербы в бутылках с водой наполнили их серебристыми корнями. Белка живет в настоящем дупле в верхнем этаже огромной клетки. В аквариумах плывут красноватые и золотистые рыбки. Двое аксолотлей, похожих на белых маленьких крокодилов, шевелят красноватыми мохнатыми ожерельями в тазу.

- Они жили в аквариуме, да там на рыбок села болезнь - плесень, вот мы их перевели временно в таз, - объясняет естествовед Кузьмик Евстафий.

По стенам - гербарии, коллекции бабочек, на стойках - минералы.

В библиотеке - ковер, тишина, давно невиданный уют, богатство книг в застекленных шкафах. Две девочки сидят, читают. Лежат газеты на столах. Все звучит и звучит в отдалении пианино, и в зале со сценой - занавес, за ним на деревянных подмостках декорации.

И нигде нет взрослых, начинает казаться, что они и не нужны совсем в этой изумительной ребячьей республике-коммуне.

В спальнях ребят внизу чистота поражающая.

На спинках кроватей полотенца. На полу нет соринки.

- Кто убирает у вас?

- Сами. Вон расписание дежурств.

В вестибюле в глубокой нише, в которую скупно льется свет из стеклянной пятиконечной звезды - розового окна - электротехнический отдел. Мальчуган спускается по ступенькам к нише и начинает возиться с проводами. Вспыхивает свет в маленьком трамвае, и с гудением он начинает идти по рельсам. Трамвай, как настоящий - с дугой, с мотором.

Между двумя картонными семиэтажными стенами лифт. Пускают в него ток и лифт, освещенный электрической лампой ползет вверх. Дальше телеграф. Мальчуган стучит по клавишу и объясняет мне, как устроен телеграф. Электрический звонок. Электромагниты.

Все это ребята соорудили под руководством электротехника-руководителя,

*

Эта коммуна живет в особняке купца Шинкова на Полянке. В ней 65 ребят, мальчиков и девочек от 8 до 16 лет, большей частью сироты рабочих. В две смены утреннюю и вечернюю они учатся в соседних школах, а дома у себя в коммуне готовятся по различным предметам.

Управляется эта коммуна детским самоуправлением. Есть семь комиссий - хозяйственная, бельевая, библиотечная, санитарная, учетно-распределительная, инвентарная. Сверх того, была еще и "кролиководная". Образовалась она как только коммунальные ребята поселили на чердаке кроликов. Но вслед за кроликами раздобыла коммуна лисицу. Дрянь-лисица забралась на чердак и передушила всех кроликов, прикончив тем самым и кролиководную комиссию.

Итак, от каждой из комиссий выделен один представитель в правление, а правление выделило президиум из трех человек. Во главе его и стоит этот самый Леша-блондин.

Судя по тому, что видишь в шинковском особняке, правление справляется со своей задачей не хуже, если не лучше взрослых. Ведает она всем распорядком жизни. В его руках все грани ребячьей жизни. Зорким глазом смотрит правление за всем вплоть до того, чтобы не сорили.

- А если кто подсолнушки грызет, - говорит зловеще Кузьмик, - так его назначают на дежурство по кухне.

Но не только подсолнушки в поле зрения ребячьего управления. Решают ребята и более сложные вопросы.

Недавно мэр Лиона, Эррио, посетил коммуну. Он долго осматривал ее, объяснялся с ребятами через переводчика. Наконец, уезжая, вынул стомиллионную бумажку детям на конфеты. Но дети ее не взяли. Потом уже, чтоб не обидеть иностранца, составили тут же заседание, потолковали и постановили:

- Взять и истратить на газеты и журналы.

Правление улаживает все конфликты и ссоры между ребятами, лишь только они возникают.

- А если кто ссорится... - внушительно начинает Кузьмик: - Правление ведает назначением на дежурства, снабжением коммуны хлебом, наблюдением за кухней. Президиум ведет собрания. У Президиума в руках нити ко всем комиссиям. И комиссии блестяще ведут библиотечное дело. Комиссии смотрят за санитарным состоянием коммуны. Благодаря им, в чистоте, тепле живет ребяческая коммуна в шиповском особняке.

- Работа наладилась, - говорит Леша. - Правление уже изживает себя. Оно слишком громоздко. Нам теперь достаточно трех человек президиума.

Идем смотреть последнее, что осталось - столовую в нижнем этаже, где ребяташки в 8 часов утра пьют чай, в два обедают. В столовой, как и всюду, чисто. На стене плакат: "Кто не работает, тот не ест".

Опять в вестибюле, с разрисованными стенами, с беззвучной лестницей с ковром. Опять прислушиваешься, как нежно и глухо сверху несутся звуки пианино - девочки играют в четыре руки, да птицы, снегيري и чижи, гомонят в клетках, прыгают.

И нужно прощаться с председателем президиума - Лешей и знаменитым румяным кролиководом - Кузьмиком Евстафием 13-ти лет.

В ТЕАТРЕ ЗИМИНА
(Наброски карандашом)

Не узнать зиминского театра. Окрашенные в какие-то жабыи серые тона, ярусы скрылись под темнокрасными полотнищами с цифрой „5". Кресла в ярусах белеют пятнами - на спинах их разостланы номера юбилейного „Гудка".

Зал наполняется, наполняется... Головы вырастают во всех ярусах. Белые полотнища газет колышатся в руках. Слышен смутный, волнующий говор и шорох. В оркестре переливаются трели кларнетов и флейт.

Михаил Иванович

- Смотри... смотри, - шепчет кто-то, - вон Калинин сидит.

И точно, в первом ряду на сцене среди гостей сидит, благодушно и терпеливо ожидая начала заседания, всероссийский староста. Всматриваешься и начинаешь вспоминать, глядя в эти пытливые глаза: когда-то этот человек, что стоит во главе пролетарского правительства, сам работал в железно-дорожных мастерских.

Интернационал

- Торжественное заседание союза железнодорожников разрешите считать открытым - объявляет т. Андреев.

В ярусах и партере встает живой человеческий лес. Встает оркестр, и катятся победные звуки Интернационала.

Долго перекатываются и стучат спинки опускаемых стульев. Сотни людей садятся, шурша газетными листами.

Начинаются речи...

Как встречали всероссийского
старосту

- Слово для приветствия от Всероссийского Центрального Исполн.. начал-было т. Андреев и не мог окончить фразы. Лишь только Ми-

хаил Иванович Калинин поднялся со стула, в зале начался грохот всплесков. Несколько минут бушевали в театре аплодисменты, и взволнованный Калинин не мог начать своей речи.

Кричали приветствия, потом рукоплескали, опять кричали, опять грохотали... За партером встали ярусы, встали на сцене и тянулись к Калинин у сотни плещущих рук.

**Калинин - почетный член союза
железнодорожников**

Встал т. Андрейчик и предложил избрать т. Калинина почетным членом союза. Конец его фразы покрыл гул голосов и грохот рукоплесканий.

- Просим... просим!!!

Вагон-модель

Двое мастеров в серых куртках выходят на авансцену. Один из них читает приветствие союзу, другой сбрасывает красное сукно, и под ним оказывается великолепно исполненный товарный вагон-модель - в 1/10 настоящей величины. Это - дар союзу от калужских главных мастерских.

В зале и на сцене приподнимаются и смотрят на художественно исполненную модель. Гремят аплодисменты.

Красной армии привет!

Волна бурного прибоя... Катится грохот: прочитали привет Красной армии - соратнику железнодорожников в великой борьбе. Встают, как один. Без оркестра поют сотни голосов Интернационал. Музыканты, услышав пение, начинают наполнять оркестр. Берутся за инструменты... и медные звуки труб прорезывают тысячный великий хор.

М. Б.

ПТИЦЫ В МАНСАРДЕ

Весеннее солнце буйно льется на второй двор в Ваганьковском переулке в доме № 5, что против Румянцевского музея.

Москва - город грязный, сомнений в этом нет, и много есть в ней ужасных дворов, но такого двора другого нету. Распустилась под весенним солнцем жижа, бурая и черная, и прилипает к сапогам. Пруд из треснувших бочек! Помои и шелуха картофельная приветливо глядят сквозь сгнившие обручи. А в углу под сарайчиками близ входа в трехэтажный флигель с пыльными окнами, желтыми узорами вьются человеческие экскременты.

На Пречистенке час назад из беловатого чистого здания, где помещается Мпино вышел молодой человек в высоких сапогах и засаленной куртке и на вопрос:

- А где же, товарищ, это самое ваше общежитие?

- Валяйте, прямо на Ваганьковское кладбище!

- Что это за глупые шутки!

- Да вы не обижайтесь, товарищ, - моргая, ответил человек в сапогах, - это я не вас. Так мы называем общежитие. Садитесь на трамвай № 34, доедете до Румянцевского музея. - Он указал рукой на восток, приветливо улыбнулся и исчез.

И вот этот двор. Вот и флигель серый, грязный, мрачный, трехэтажный. По выщербленным ступенькам поднимался, по дороге стучался в неприветливые двери. То на двери: "типография", то вообще никого нет. И ничего добиться нельзя.

Но вот встретилась женская фигурка, вынырнула из какой-то двери, испытующе поглядела и сказала:

- Выше.

Выше дверь, потом мрачное пространство, а дальше за досчатой дверью голоса:

- Войдите!

Вошел.

И оказался в огромной комнате, т.е., вернее, не комнате, а так - в большом, высоком помещении с серыми облупленными стенами. И прежде всего бросился в глаза большой лист на серой стене с крупной печатной надписью "Тригонометрические формулы" и открытое окно. Ветер весело веял в него.

Посредине помещения был длинный вытертый засаленный стол, возле него зыбкие деревянные скамьи. По стенам под самыми окнами стояли железные кровати с разъехавшимися досками. На них кой-где реденькие, старенькие одеяла, кое-где какой-то засаленный хлам грудями, тряпье, пачки книг. Лампочка на тонкой нити свешивалась над столом, довершая обстановку. Все.

И было шесть молодых людей, глядевших во все глаза.

Когда все недоумения уладились и состоялось знакомство, все расселись на скамьях и полились речи.

- Но ведь печки же нет... как же топить? - робко спрашивал я.

- Нет! - хором перебивали голоса, - печка есть, но мы ее сняли теперь. Вон она где, проклятая, стояла! Вон.

На полу, на память от печки, чернело круглое выжженное пятно.

- Почему она проклятая? Не греет разве?

- В том-то и беда, что греет!! - загремели голоса. - Как ее затопишь, сейчас же 3 градуса и шабаш. Пропали мы тогда!

- На нос, - сказал курносый строго.

- Капает!! - ревели голоса, - капает со стен и с потолка. Точет, тает, как весной.

- На книги льется, главное.

- Неприятно жить. Оттепель.

- Курьезная печка, - задумчиво сказал блондин, - дымит, как сволочь. А между тем дымить ей не следовало. Тяга хорошая, приладили мы ее как следует, - он испытующе поглядел куда-то вверх в ободранный пятнистый угол в потолке, - но дымит. По неизвестной причине.

- И дымит, знаете ли как-то особенно. Дым знаменами по всей комнате. Синий - пресиний. А глаза красные.

- Не топить - здоровее, - сказал бас.

- Только тогда немного холодно - спорил блондин, - встанешь, а в тазу лед. Кулаком проломишь, под ним тогда вода. Холодная такая.

- Умывальника абсолютно нет.

- У вас вообще ничего нет! - укоризненно сказал я.

- За этой дверью что?

- Тут отдельное помещение. Комната. Зимой мы в ней поместили одного нашего. Вот, говорим, будет тебе отдельная комната.

Ну, он два дня прожил, потом выходит, говорит: - ну вас к чертовой матери с вашим отдельным помещением. - Вещи вытащил и сюда переехал, говорит: Вы тут дышите, это совсем другое дело. - Ну он вообще слабого здоровья. Изнеженный. У него насморк был. Так мы устроили в отдельном помещении кладовку. Муку положили.

- Это все проклятая фотография.

- Причем здесь фотография?

Оказалось, что за стеной где дверь в отдельное помещение находится ателье. Оно вдребезги разбито, зимой ветер свистал в него. А стена тонкая, фанерная.

- Уборная - то по крайней мере у вас теплая?

- Как вам сказать... - задумался блондин. Она, может, и теплая, - но она, видите ли, не работает. Потому что трубы в ней промерзли и полопались. Так что она закрыта.

- Господи, твоя воля! Как же вы были зимой?

- А мы записались на чтение книг в Румянцевском музее. Там великолепная уборная. Ну, а ночью, когда музей закрыт, на Пречистенский бульвар ходили. Или так вообще...

Блондин загадочно повертел пальцами и указал в раскрытое окно, сквозь которое вместе с ветром влетал пока еще слабый и смутный запах второго ваганьковского двора.

- Черт знает что такое!

- Теперь что! - грянули собеседники, - благодать! Весна! Самое главное - вышибли печку, будь она проклята. А уборная - она оттает.

- На какого дьявола тут эти трубы. И вообще, что было раньше в этом сарае?

- Это не сарай, - хором обиделись пиновцы, - здесь - мастерская раньше была. Но теперь все, конечно, в ветхость пришло. Вообще не ремонтируется. Никто внимания не обращает.

- За загородкой что?

- Там еще четверо наших. Там хорошо.

За загородкой было, действительно, неизмеримо лучше. Напоминало ночлежку. Были четыре кровати с одеялами и даже картинка на стене. И черная печка.

- А где студентки помещаются?

- Студентки ниже.

Всей компанией затоптали вниз по лестнице, по дороге заглянули в уборную. Гадость неопишуемая.

Студентки были ошеломлены появлением всей компании с неизвестным лицом во главе.

- По поводу чего? По какому поводу? - добивались они.

И лишь одна сидела на сундуке и шила. По лицу ее блуждала скептическая улыбка.

- Осмотреть? Прекрасно! Осмотрите!

- Чего тут смотреть! - Общежитие дайте! Вот что!

- Я, товарищи, не могу, к сожалению, вам дать общежитие... Описать могу...

Скептическая улыбка заиграла сильнее у сидящей на сундуке.

У студенток было чуть-чуть лучше, нежели у студентов. Во-первых, висел какой-то рыжий занавес, напоминающий занавес в театральной студии; во-вторых, кровати были как-то уютнее и приличнее застланы! Видна женская рука.

В остальном одинаково со студентами. Собачий холод зимой, та же беготня в Румянцевский музей за надобностями, ничего общего с прямым назначением музея не имеющими.

Вслед мне пел дружный хор мужских и женских голосов, как в Фуге Баха:

- Общежитие нужно!..

- Вы напишите!

- Нужно!

- Здесь невозможно жить! Общежитие...

Живуч эм-пиновец-студент! Живуч, черт возьми! Но меня, например, если бы озолотили и сказали: "живи на Ваганьковском кладбище, за это педагогом будешь".

Не согласился бы.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДЕЛОК!

"Мы надеемся только на наших бывших союзников французов и в особенности на господина Пуанкаре..."
(Из "манифеста" русских рабочих, напечатанного в "Новом Времени").

- Не верят подлецы! - сказал Михаил Суворин. - Говорит, русские рабочие такого и имени не выговорят: Пуанкаре. Прямо голову теряю. Если уж этот манифест не убедителен, так не знаю, что и предпринять!

- Я вот что думаю, - сказал Ренников, - пошлем депутацию в "Роте фане". От русских рабочих. Мне Коко Шаховской обещал опытных исполнителей найти, которые в "Плодах Просвещения" играли. Такие мужички выйдут - пальчики оближете...

- Ну, ну, - сказал устало Суворин.

*

Редактор "Роте фане" строго смотрел на депутатов и спрашивал: "А откуда вы, товарищи, так бойко немецкий язык знаете? Прямо удивительно!"

- Это от пленных, - быстро отпарировал глава депутации, незамужний хлебороб Варсонофий Тыква. - За время войны их у нас по деревням много перебивало.

- Хороший народ - немецкие пленные! - поддержал Степан Сквозняков, питерский рабочий, - ведь вот и национальности враждебной и обычаев других, а как сошлись с нами... Прямо по пословице: *les extrémités se touchent...*

- Французскому языку вы, вероятно, тоже от пленных выучились? - иронически спросил редактор.

Депутаты смешались. От конфуза Степан Сквозняков даже вынул откуда-то из-за пазухи монокль и вставил его в глаз. Но услышав подозрительное шиканье остальных, спохватился и поспешил спрятать его обратно.

- Так вы говорите Пуанкаре - самое популярное имя среди русских рабочих? - продолжал спрашивать редактор "Роте фане".

- Это уж наверняка! - сказал твердо Остап Степной, по мандату башкирский кочевник. - Я рабочий быт - во как знаю. У моего дяди, слава богу, два завода было...

- В Башкирии? - задал ехидный вопрос редактор.

- Собственно говоря, - пробормотал, сконфузившись, депутат, - это не то, что мой родной дядя. У нас в Башкирии дядями - соседями зовут. Дядя - сосед, а тетя - соседка.

- А бабушка? - поставил вопрос ребром редактор.

- Бабушка, это - если из другой деревни... - промямлил башкирец.

- Муссолини тоже очень популярное имя у русских рабочих, - поспешно заговорил глава делегации Варсонофий Тыква, чтобы переменить тему. - Пастух у нас на селе - симпатичный такой старичок, так прямо про него и выражается: ессе, - говорит homo!

- Классическое замечание! - расхохотавшись, сказал редактор.

- Образованный старичок - пастух ваш. Вероятно, филолог?

- Юрист, - с готовностью подхватила депутатка Анна Чебоксарова, Иваново-Вознесенская текстильщица. - На прямой дороге в сенаторы был, а теперь...

- Мерзавцы! Подлецы! - грохотал Михаил Суворин. - Тоже! "Плоды Просвещения" ставили... Вас надо ставить, а не "Плоды Просвещения"! Выставить всех рядом да - по мордасам, по мордасам, по мордасам...

- Не виноваты мы ни в чем, - угрюмо возражал Варсонофий Тыква, он же Коко Шаховской. - Случай тут и ничего больше! Все хорошо шло - без сучка и задоринки. Но только мадам Кускова заговорила - прахом вся затея! По голосу ее, каналья, признал. "Я, - говорит, - раз вас на лекции слышал. Извините, - говорит, - не проведете!"

- Подлецы! - процедил Суворин. - А Ренникова я...

Но Ренникова поблизости не оказалось. Он - Ренников - знал, что в случае неудачи Суворину опасно показываться. Рука у него тяжелая, а пресс-папье на письменном столе - еще тяжелее...

Ол-Райт.

АРИФМЕТИКА

- Начинается! - прохрипел запыхавшийся генерал, взбежал на 6-ой этаж к "блюстителю русского престола" Кириллу.

Кирилл побледнел и, выпустив из рук насос примуса, который он накачивал, прошептал:

- Уже?

Запыхавшийся генерал сразу отпыхался.

- Помилуйте, ваше высочество, - отрапортовал он, - не так понять изволили. Не погромы начинаются, а реставрация-с!

Кирилл молниеносно пришел в себя.

- Не... не может быть!

- Честное слово.

- В России?

- Пока, ваше высочество, только в Германии. Кронпринц приехал, Вильгельм возвращается. Штреземан на этот счет так прямо и выразился: не позволю, говорит, чтобы хоть один немец оставался за границей...

- Ну?

- Ну, и вот, ваше высочество... Мы так полагаем: сегодня Германия, а завтра и Россия. Ведь это - как эпидемия-с. Революция - эпидемия. И реставрация - эпидемия. Стоит только начать.

Вечером, когда к Кириллу заехали фрау Кускова и герр Милюков чтоб узнать, когда его высочество собирается выехать, они застали странную картину.

Кирилл и генерал сидели на полу, засыпанные обрывками бумаг, и на полях какой-то книги лихорадочно множили цифры. От количества нулей рябило в глазах.

- Ехать! - завопил Кирилл в ответ на их почтительные вопросы.

- Вы знаете, что это значит: ехать?

- Помилуйте, кронпринц...

- Чего вы мне тычете в глаза вашим кронпринцем! Кронпринц... Кронпринцу хорошо. Кронпринц гульденами содержание получает. Что ему кронпринцу? Автомобиль - 10 гульденов. Шоферу на чай - 5 гульденов. Окорок ветчины - 3 гульдена... А мне марками выдают!

- Но, ваше высочество...

- Сам знаю, что высочество... Смотрите сюда: дорога на одного человека - шесть квинтиллионов семьсот восемьдесят один квадриллион восемьсот тридцать пять триллионов... и еще мелочь какая-то. Ежели на четверых...

- Отбросим для краткости три нуля, ваше высочество...

- Погодите вы с тремя нулями... Бутербродов надо наделать? Кладите полбилльона на бутерброды. Сорок восемь билльонов сто семьдесят два миллиона четыреста шестьдесят тысяч триста восемьдесят два... Ладно. Папирос надо взять...

- Рано изволили начать курить, ваше высочество... Хе-хе...

- Пошутите еще! Если десять папирос - четыре билльона двести двадцать один миллион четыреста...

- Кладите ровным счетом квадриллион! - сказал Милюков и снял пальто. - Позвольте, я это сейчас, ваше высочество. Двойной бухгалтерией...

- В германских газетах писали, - докладывал группе друзей русской монархии Милюков, - что попытка вел.кн. Кирилла вернуться в Россию свелась к нулю. Это, прежде всего, неверно фактически... Я сам принимал участие в приготовлениях к поездке его высочества и могу засвидетельствовать, что означенная поездка свелась к трем секстиллионам пятидесяти пяти квинтиллионам трехсот двадцать одному триллиону семидесяти восьми биллионам ста шестидесяти семи миллионам двумстам пятидесяти одной тысяче восемьсот двадцати четырем нулям...

Но мы, "Дрезина", держимся на весь этот счет иного мнения. Все это астрономическое количество нулей мы - применительно к реставрационным возможностям Кирилла - беремся свести в два счета:

- К двум нулям.

Это будет и по существу и, главное, благовожно.

Ол-Райт.

ТАЙНЫ МАДРИДСКОГО ДВОРА

В комнате, освещенной керосиновой лампой, сидел конторщик 2-й восстановительной организации Угрюмый и говорил своему гостю, конторщику Петухову:

- Хорошо вам, чертям! Живете в Киеве. Там у вас древности всякие, святыни, монастыри, театры и кабаре... а в этом паршивом Полоцке ничего нет, кроме грязи и свиней. Правда, что у вас эти самые... купола обновляются?

- Врут, - басом ответил Петухов, - ходил я смотреть на сенной базар. Купол, как купол. Это бабы выдумали.

- Плохо! - вздохнул Угрюмый. - Рамы разваливаются, а Бог и ухом не ведет... Вон Спасский монастырь... Совершенно рассыпался. Совзнаков нету на небе, вот главная беда.

Угрюмый вздохнул, поболтал ложечкой в мутном чае и продолжал:

- Кстати о совзнаках. Нету, нету, а то бывает - бац! - и свалятся они тебе на голову. У нас, например, изумительная история с этими знаками произошла. Сделали мы заявку на май на четыре миллиона двести одну тысячу с копейками из расчета на две тысячи семьсот рабочих, а центр возьми да и дай четыре миллиона семьсот тридцать тысяч на фактически бывшие 817 человек.

- Вре!!! - крикнул Петухов.

- Вот тебе и вре! ответил Угрюмый. - Чтоб я с этого места не сошел!

- Так это, стало быть, остаток получается?

- А как же. Но тут, понимаешь ли, задача в том, чтобы денежки эти без остатка в расход запихнуть.

- Это как же? - изумился Петухов. Угрюмый оглянулся, прислушался и таинственно зашептал:

- А на манер нашего начальника механических мастерских. У него, понимаешь ли, такой обычай - выпишет материалов на заказ и пять раз больше, чем нужно, и все в расход загонит! Ему уже говорили: смотрите, как бы вам по шапке не попало. Ну, да, говорит - по шапке... Руки коротки! У меня уважительная причина - кладовой нет. Способный парень!

- А не сядет? - восторженно спросил Петухов.

- Обязательно сядет. Вспомни мое слово. И сядет из-за мастерских. Не клеится у него с мастерскими, хоть ты плачь? Дрова вручную пилит, потому что приводная пила бездействует, а 30-сильный двигатель качает один вентилятор для четырех кузнечных горнов.

Петухов захохотал и подавился:

- Тише ты! - зашептал Угрюмый, - это что?... А вот потеха была недавно с заклепками (Угрюмый хихикнул), - зачем, говорит, нам закупать заклепки, когда у нас своя мастерская есть? Я, говорит, на всю Россию заклепок наворочаю! Ну, и наворочал... 308 пудов. Красивые замечательно: кривые, с утолщением и пережженные. Сто двадцать восемь пудов пришлось в переработку пустить, а остальные и до сих пор на складе стоят.

- Ну, дела! - ахнул Петухов.

- Это что! - оживился Угрюмый, - ты послушай, что у нас с отчетностью творится. У тебя волосы дыбом станут. Есть у нас в механической мастерской Эр - Ка - Ка и есть инструментальщик Белявский, - сипел Угрюмый, - он же и член Эр - Ка - Ка. Так он, представь себе, все заказы себе забрал. Сам расценивает, сам же исполняет и сам деньги получает.

Инженер Гейнеман в целях упрощения всяких формальностей по счетно-финансовой части завел такой порядок. Смотрю я, однажды, и вижу, счет № 91 на стрелочные работы, исполненные сдельщиком Кузнецовым Михаилом с товарищами на сумму 42.475 р. Выдал артельщик такой-то, получил Кузнецов. И больше ничего!

- Постой, - перебил Петухов, - а может у него товарищей никаких не было.

- Вот то-то и есть.

- Да и как же это?

- Наивный ты парень, - вздохнул Угрюмый, - у него ж, у Гейнемана этого, весь штат в конторе состоит из родственников. Заведующий Гейнеман, производитель работ - зять его Марков, техник - его родная сестра Эмма Маркова, конторщица - его дочь родная Гейнеман, табельщик - племянник Гейнеман, машинистка - Шульман - племянница родной жены!

- Внуков у Гейнемана нету? - спросил ошеломленный Петухов.

- Внуков, нету, к сожалению.

Петухов глотнул чаю и спросил:

- Позволь, друг, а куда ж Эр - Ка - И смотрит?

Угрюмый свистнул и зашептал:

- Чудак! Эр - Ка - И! У нас Эр - Ка - И - Якутович Тимофей. Славный парнишка, свой человек. Ему что ни дай - все подпишет.

- Добродушный? - спросил Петухов.

- Ни черта не добродушный, а болтают у нас, (Угрюмый наклонился к растопыренному уху Петухова), будто получил он десять возов дров из материалов мостов Западной Двины, 4 1/2 пуда муки и 43 аршина мануфактуры. Дай тебе мануфактуры, и ты будешь добродушный!

- Тайны Мадридского Двора! - восхищенно воскликнул Петухов.

- Да уж это тайны, - согласился Угрюмый, - только, понимаешь ли, вышли у нас, с этими тайнами уже явные неприятности. Приезжают в один прекрасный день два каких-то фрукта. Невзрачные по виду, брючишки обтрепанные, и говорят: „Позвольте ваши книги“. Ну, дали мы. И началось тут потеха. По нашему, если отчетность на год отстала - пустяки! А по-ихнему - преступление. По-нашему кассовые книги заверять и шнуровать не надо, а по-ихнему надо! По нашему - нарезать болты вручную продуктивно, а по-ихнему - нужно механически! Клепку мостовой фермы на мосту, по-нашему, нужно вручную производить, а по-ихнему - это преступно! Так и не столковались. Уехали, а у нас с тех пор никакого спокойствия нет. Не наделали б чего-нибудь эти самые визитеры? Вот и ходим кислые.

- М-да, это неприятности... - согласился Петухов.

Оба замолчали. Зеленый абажур окрашивал лица в зеленый цвет, и оба конторщика походили на таинственных гномов. Лампа зловеще гудела.

Разговор подслушал

Г.П. Ухов

НОЯБРЯ 7-ГО ДНЯ
(Как Москва праздновала)

За день, за два до праздника окна во многих магазинах уже стали наливать красным светом. Там развесили ряды лампочек и гирлянды, протянули ленты, выставили портреты вождей революции.

К вечеру, когда рабочие и служебная Москва разбежались по домам, среди бледных огней магазинов уже светились эти красные теплые ниши, напоминавшие о том, что приближается годовщина.

А на площади, перед зданием Московского Совета, целый день до позднего вечера сутились рабочие и горели жаровни. Рабочие отстраивали портал, новые белые стены, разбивали клумбы и цветники.

Накануне праздника торговля стала угасать к 5 часам дня. В дверях магазинов появились таблички с надписью "закрето". Балконы оделись полотнищами. На балконах появились бюсты и портреты. По стенам протянулись гирлянды, а на здании Московского Совета вечером загорелся ослепительный треугольник, под ним цифра "VI".

Праздник 7 ноября первыми начали дети.

По улицам загудели грузовики, набитые ребятами, как кузова грибами. С платформы глядели белые, красные головенки, торчали острые флажки. Грузовики ездили и гудели, как шмели, и ребятишки кричали, приветствуя всех встречных и поперечных, все первые, собирающиеся на площадях колонны со знаменами.

Милиция вышла парадная по особенному - в новых кепи с красными верхами, с мерлушковой оторочкой, в новых шинелях.

В полдень на Тверской, сколько хватал глаз, стояла непрерывная густая лента, а над лентою был лес знамен.

Когда многотысячные толпы шли, они пели, оркестры, глядевшие в черной гуще своими сияющими раструбами, играли... Когда движение останавливалось, в группах закипала чехарда, друг друга качали, боролись, хохотали. У здания Моссовета, в густой людской толпе медленно продвигался искусственный паровоз Московско-Балтийской дороги, устроенный из огромного грузовика. Он был совсем, как живой, но в смотровые окна выглядывали не машинист с кочегаром, а все те же детские лица.

Мать несла своего двухлетнего ребенка на руках в толпе, и он смотрел по сторонам и что-то лопотал и взмахивал руками. А когда

вдруг заиграли оркестры и началось пение, он не выдержал и стал прыгать у нее на руках и что-то кричать.

В эту годовщину на улицы вышли не только спаянные и стройные колонны рабочих со своими плакатами, но мимо них непрерывно шли толпами, кучками, отдельно обыватели - мужчины и женщины, которые вели своих ребят и говорили:

- Вырастешь, и ты пойдешь.

Когда через Красную площадь прошли последние ряды, толпы народа разошлись по всей Москве и стемнело, над зданием Московского Совета опять загорелся пунктирный огненный треугольник, по всей Москве рассеялись красные пятна огней, и в небе разливался бледный электрический отсвет, так что далеко было видно, как иллюминировала себя Москва в шестую годовщину Октябрьской революции 7-го ноября 1923 года.

КАК ОН СОШЕЛ С УМА

1

Дверь в отдельную камеру отворилась и вошел доктор в сопровождении фельдшера и двух сторожей. Навстречу им с развороченной постели, над которой красовалась табличка: "Заведующий Чаадаевской школой на Сызранке. Буйный", поднялся человек в белье и запел, сверкая глазами:

- От Севильи до Грена-а-ды!! Наше вам, гады!! В тихом сумраке ночей! Раздаются, сволочи, серенады!! Раздается звон мечей!...

- Тэк-с... Серенады. Позвольте Ваш пульсик, - вежливо сказал доктор и протянул руку. Левым глазом он при этом мигал фельдшеру, а правым, сторожам.

Белый человек застрялся и взвыл:

- Мерзавец!! Признавайся: Ты Пе-Де шестьдесят восемь?

- Нет, заблуждаетесь, - ответил доктор, - я доктор... Как температурка? Тэк-с... покажите язык.

Вместо языка белый человек показал доктору страшный волосатый кукиш и, ударив в присядку, запел:

- Ужасно шумно в доме Шнеерсона...

- Кали бромати, - сказал доктор - по столовой ложке...

- Бромати?! - завыл белый человек. - А окна без стекол ты видел, каналья? Видел нуль?... Какой бывает нуль, видел, я спрашиваю тебя, свистун в белом халате?!!

- Морфий под кожу, - задушевно шепнул доктор фельдшеру.

- Морфи?! завопил человек, - морфи?! Бейте, православные, Пе-Де шестьдесят восемь.

Он размахнулся и ударил доктора по уху так страшно и метко, что у того соскочило пенсне.

- Берите его, братики, - захныкал доктор, подтирая носовым платком кровь из носа, - наденьте на него горячечную рубашку...

Сторожа, пыхтя, навалились на белого человека.

- Кар-раул!! - разнесся крик под сводами Канатчиковой дачи, - Карр! шестьдесят вос!... ап!!

В кабинете доктора через два месяца сидел печальный, похудевший человек в пальто с облезлым воротником и мял в руках шапку. Вещи его, стянутые в узел, лежали у ног.

- А насчет буйства, - вздыхая говорил человек - прощения просим. Не обижайтесь. Сами, извольте понимать, не в себе я был.

- Вздор, голубчик, - ответил доктор, - это у нас часто случается. Вот микстурку будете принимать через два часа по столовой ложке. Ну, и, конечно, никаких волнений.

- За микстурку благодарим, - ответил человек, вздыхая, - а насчет волнений... Нам без волнений нельзя. У нас должность такая, с волнениями, - он тяжело вздохнул.

- Да что такое, голубчик, - посочувствовал доктор, - вы расскажите...

Печальный человек крикнул и рассказал:

- Зима, понимаете ли, холодно... Школа-то наша Чаадаевская без стекол, отопление не в порядке, освещение тоже. А ребят, знаете ли, вагон, Ну, те-с, что тут делать? Начал я писать нашему ПД-68 на Сызранке. Раз пишу - никакого ответа нету. Два пишу - присылает ответ: как же... обязательно... нужно сделать и прочее тому подобное. Обрадовался я. Но только проходит порядочное время, а дела никакого не видно. Ребята между тем в школе пропадают. Ну-с, я опять ПД-68. Он мне ответ: как же, следует обязательно. Я ему опять. Он - мне. Я ему. Он. Нет думаю. Так нельзя. Пишу тогда ПЧ, так, мол, и так, составьте, сделайте ваше одолжение, акт. Что же вы думаете? Молчание. Бросил я тогда. Пе-Де-68 начал шпарить к Пе-Че. Я ему. Он в ответ: копия вашего уважаемого письма прислана к Пе. Я ему опять. А он к Пе опять. Я ему. А он - Пе. Пе... тьфу... ему. Он - Пе. Я, он, он, я. Что тут прикажешь делать?! Он - молчок. Что ж это, думаю, за наказание? А? И началось тут у меня какое-то настроение скверное. Аппетиту нету. Мелькание в глазах. Чепуха. Однажды выхожу из школы и вижу, бабушка моя покойная идет. Да-с, идет, а в руках у нее крендель в виде шестьдесят восемь. Я ей: бабушка, вы ж померли? А она мне: пошел вон, дурак! Я к доктору нашему. Посмотрел меня и говорит - вам надо бромати пить. Это не полагается, чтобы бабушек видеть...

Осатанел я, начал писать кому попало: в доркультотдел шесть раз

написал - не отвечают. Написал тогда в управление дороги четыре раза - зачем, черт меня знает! Не отвечают. Я еще раз. Что тут началось - уму непостижимо человеческому. Приходит телеграмма: никаких расходов из эксплуатационных средств на культнужды не производить. Ночью бабушка: "Что, говорит, лежишь, как колода? Напиши Эн. Они - добрый господин". Уйди, говорю, ведьма. Померла и молчи! Швырнул в нее подсвечником, да в зеркало и попади. А на утро не утерпел - написал Эн. Приходит телеграмма - произвести необходимый ремонт. Я, конечно, Пе. А от Пе телеграмма произвести необходимейший ремонт. Во! Необходимейший. Я докультотделу - письмо: ага, пишу, съели? Даешь ремонт! А оттуда телеграмма: "Не расходовать школьные средства от обложений". Батюшки? Выхожу и вижу, стоит Петр Великий и на меня кулаком. Не взвидел я свету, выхватил ножик, да за ним. Ну, тут, конечно меня схватили и к вам...

Человек вдруг замолчал... выкатил глаза и стал приподниматься. Доктор побледнел и отшатнулся.

- Ква... ква!! - взвизгнул человек. - Шестьдесят восемь! Где ремонт? А? Бей-й!! А-а!!

- Сторожа... На помощь! - закричал доктор.

С громом вылетели стекла в кабинете.

- Рано выписывать, - сказал доктор вбежавшим белым халатам, - в 6-ю палату и рубашку.

Эм.

ЧАСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

(С натуры)

В доме Союзов, в Колонном зале - гроб с телом Ильича. Круглые сутки - день и ночь - на площади огромные толпы людей, которые, строясь в ряды, бесконечными лентами, теряющимися в соседних улицах и переулках, вливаются в Колонный зал.

Это рабочая Москва идет поклониться праху великого Ильича.

Стрела на огненных часах дрогнула и стала на пяти. Потом неуклонно пошла дальше, потому что часы никогда не останавливаются. Как всегда, с пяти начали садиться на Москву сумерки. Мороз лютый. На площадь к Белому Дому стал входить эскадрон.

- Эй, эгей, со стрелки, со стрелки!

Стрелочник вертелся на перекрестке со своей вечной штангой в руках, в боярской шубе, с серебрянными усами. Трамваи со скрежетом ломались в толпу. Машины зажгли фонари и выли.

- Эй, берегись!!

Эскадрон вошел с хрустом. Шлемы были наглухо застегнуты, а лошади одеты инеем. В морозном дыму завертелись огни, трамвайные стекла. На линии из земли родилась мгновенно черная очередь. Люди бежали, бежали в разные концы, но увидели всадников, поняли, что сейчас пустят. Раз, два, три... сто, тысяча!...

- Со стрелки-то уйдите!

- Трамвай!! Берегись! Машина стрелой - берегись!

- К порядочку, товарищи, к порядочку. Эй, куда?

- Братики, Христа ради, поставьте в очередь проститься. Проститься!

- Опоздала, тетка. Тет-ка! Ку-да-а?

- В очередь! В очередь!

- Батюшки, по Дмитровке-то хвост ушел!

- Куда-ж деться-то мне, головушке горькой? Сквозь землю что ль провалиться?

Запрыгал салон, заметался, а кони милицейские гигантские так и лезут. Куда ж бедной бабе деваться. Провались, баба... Кепи и красные, кони танцуют. Змеей, тысячей звеньев идет хвост к Параскеве

Пятнице, молчит, но идет, идет! Ах, быстро попадем!

- Голубчики, никого не пущайте без очереди!

- Порядочек, граждане.

- Все помер...

- Думай мозгом, что говоришь. Ты помер, скажем, к примеру, какая разница. Какая разница, ответь мне, гражданин?

- Не обижайте!

- Не обижаю, а внушить хочу. Помер великий человек, поэтому помолчи. Помолчи минуту, сообрази в голове происшедшее.

- Куда?! Эгей-й!! Эй! Эй!

- Рота, стой!!

Ближе, ближе, ближе. Хруст, хруст. Стоп. Хруст... Хруст...

Стоп... двери. Голубчики родные, река течет!

- По три в ряд, товарищи.

- Вверх! Вверх!

- Огней, огней-то! Караулы каменные вдоль стен. Стены белые, на стенах огни кустами. Родилась на стрелке Охотного река и течет, попирая красный ковер.

- Тише ты. Тш...

- Шапки сняли, идут? Нет, не идут, не идут, не идут. Это не идут, братишки, а плывет река в миллион. На ковре ложится снег.

И в море белого света протекает река.

*

Лежит в гробу на красном постаменте человек. Он желт восковой желтизной, а бугры лба его лысой головы круты. Он молчит, но лицо его мудро, важно и спокойно. Он мертвый. Серый пиджак на нем, на сером красное пятно - орден знамени. Знамена на стенах белого зала в шашку - черные, красные, черные, красные. Гигантский орден - сияющая розетка в кустах огня, а в сердце ее лежит на постаменте, обреченный смертью на вечное молчание человек.

Как словом своим на слова и дела подвинул бессмертные шлемы караулов, так теперь убил своим молчанием караулы и реку идущих на последнее прощание людей.

Молчит караул, приставив винтовки к ноге, и молча течет река.

Все ясно. К этому гробу будут ходить четыре дня по лютому моро-

зу в Москве, а потом в течение веков по дальним караванным дорогам желтых пустынь земного шара, там где некогда, еще при рождении человечества, над его колыбелью ходила бессменная звезда.

*

Уходит, уходит рука. Белые залы, красный ковер, огни. Стоят красноармейцы, смотрят сурово.

- Лиза, не плачь. Не плачь... Лиза... Воды, воды дайте ей!

- Санитара, пропустите, товарищи!

Мороз. Мороз. Накройтесь, накройтесь, братишки. На дворе лютый мороз.

- Батюшки? Откуда ж зайтить-то?!

- Нельзя здесь!

- Порядочек, граждане!

- Только выход. Только выход.

- Товарищ дорогой, да ведь миллион стоит на Дмитровке! Не дож-дусь я, замерзну. Пустите? А?

- Не могу, - очередь!

Огни из машины на ходу бьют взрывами. Ударят в лицо - погаснет.

- Эй! Эгей! Берегись! Берегись! Машина раздавит. Берегись!

Горят огненные часы.

М.Б.

МОСКОВСКИЙ ВАВИЛОН

1. Бурнаковский племянник

Появлению его в доме предшествовала некая легенда, состоящая из двух частей!

Часть первая: Дядя Бурнаков получил ответственный пост.

Часть вторая: Ваську-брата бурнаковского племянника посадили в тюрьму.

Затем наступил антракт довольно длительный, во время которого грозный образ бурнаковского племянника расплывался и вы начали питать легкомысленную надежду, что может быть это только так... пустяки... может быть минует чаша... и не будет, не будет бурнаковского племянника.

Первый грозный предвестник

Куруман, занимавший комнату номер 7, через две комнаты от вашей, нашел на Тверской-Ямской две комнаты с кухней и въездная плата.

- Сколько?...

- Десять червонцев.

- Десять?... Де-сять?... В глазах у вас зеленеет.

- Что же вы мне не сказали?... Боже мой! Господи!

- Я ж не знаю, что вам нужно...

- Ах ты, Господи!... Что вы говорите!... Что вы такое говорите! Где вы видели, да да, такого человека, которому не нужны две комнаты с кухней на Тверской-Ямской? Где? Может быть и ванна есть?

- И ванна...

- А-а-а-а-а!...

- Что же вы так убиваетесь?

- А-оставьте меня! А-оставьте!

Второй грозный предвестник

Дядю Бурнакова видели входящим в квартиру председателя правления дома.

Зловещий разговор

Лестница. Действующие лица.

Вы, „Ответственный съемщик квартиры.“ (бывший „квартхоз“)

ВЫ. Н-не может быть.

СЪЕМЩИК. Верно вам говорю. Вселят. В курумановскую комнату. (Пауза, вздох). Ну теперича держись. Такая сволочь, такая сволочь...

ВЫ (расслабленно). Неужели ничего нельзя сделать?

СЪЕМЩИК (уныло). Что же вы сделаете. У него дядя... (шепот)

ВЫ. Но почему же к нам?

СЪЕМЩИК. Такая уж, видно, наша судьба...

Начало событий

Он появился. Его видели. Легенда: он был в домовом правлении и участвовал в разговоре.

Стенограмма разговора

БУРНАКОВСКИЙ ПЛЕМЯННИК. Што? Куруман уже вытряхнулся?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ (заискивающе). Он послезавтра выезжает (угощает папиросой).

ПЛЕМЯННИК. Пуцай скорей, а то я его сам вышибу. Дальнейшее не стенографировано, но по отрывкам и устным передачам можно питать зловещее подозрение, что бурнаковский племянник антисемит.

Свершилось

Он въехал. Первый подвиг уже совершил он. Именно, он без стука вошел в комнату модистки Анюты со словами: „нет ли папиросочки“, в тот момент, когда Анюта была голая.

Ну, совершенно голая бабочка, в чем мать родила. На вопрос Анюты, стащившей с постели одеяло и соорудившей на скорую руку римскую тогу: „Чтой-то вы? Рази ж можно так делать“? - ответил улыбаясь:

- Ну, что там. Что мы буржуи-интеллигенты, чай, в одной квартире живем.

В кухне вечером был совет семьи женщин. Резолюция: Бурнаковский племянник - негодяй, ежели съемщик не уймет, жаловаться самому Кирпичеву.

Видение: тень Бурнаковского племянника прошла по коридору, нагло улыбаясь и будто бы со словами:

- Ах дуры-бабы. Чего сбесились.

Продолжение следует

1 Ночью на новоселье играли в карты у Бурнаковского племянника, причем Хлюзина Бурнаковский племянник обыграл на четыре червонца. Хлюзин плакал и гонялся с ножом за Бурнаковским племянником.

2 В гостях у племянника был дядя сам Бурнаков и побил жену.

3 Племянник устроил танцы, при чем внизу рухнула штукатурка. Когда снизу пришли, бурнаковский племянник пригрозил, что пожалуется в Ге-пе-у.

4 У Аксины колдовским образом пропал примус. Бурнаковский племянник угрожал в коридоре стереть с лица земли каждого, кто в связи со словом "примус" упомянет его имя или же имя его брата Володьки.

Лицо племянника на экране

Глаза необыкновенные - одновременно испуганные и наглые. Волосы стоят ежом, черные, как на сапожной щетке. Лицо вдребезги потертое, бледное. 22 года. Расстегнутый френч, расхлистанный ворот.

Действие продолжается

5 Аксинын примус нашелся в кладовке сломанный. Это чудо! Как он туда попал?

6 Кошмар! Кошмар! Слух - племянник обольстил секретаря домовой ячейки и хочет войти во фракцию. Съемщик рвал на себе волосы, кричал у себя в комнате: „Мы пропали“.

7 Племянник сделал предложение Анюте. Когда та отказалась, вышел из ее комнаты напевая:

- Ладно-с. Ладно-с. Вот мы еще посмотрим по каким документам вы проживаете. Нашей фракции таких не нужно»

8 Съемщик просил племянника не играть в квартире на гармонии после 2-х часов ночи.

Отвечено

- Ты мне не бузи. У нас пианинов нету. А тебя давно собираюсь попереть из съемщиков.

Венец ужаса

О-о! Прошел слух, что Володьку-племянникова брата выпустили из тюрьмы. Съемщик ходил по комнатам и собирал деньги на замок для парадной двери и говорил: „Теперь посматривайте.“

Бурнаковский племянник объявил, что Володька жить будет в его комнате. Все кончено.

Небесное правосудие

Слух, а затем несомненная правда.

1 Дядю Бурнакова вычистили.

2 Дядя лишился ответственного поста. А затем слухи еще более грозные.

а Дядю отдадут под суд.

б Дядя был всем и стал ничем.

Племянник впадает в ничтожество

Съемщик встретив бурнаковского племянника, сказал ему:

- Вы - наглец. Хуже вас никого нету в доме. - И бурнаковский племянник ничего не ответил.

Конец

Бурнаковский племянник выехал из дому, ибо его затравили. Из фракции его вышибли.

Послесловие

Это конец этому странному фельетону, но это не все, что я хотел сказать.

Публика читающая, вообще читает плохо, не вдумываясь. Ей кажется, что фельетонные герои - это так... чепуха... Напрасно, напрасно. Бурнаковский племянник - тип, столь же прочный, как и бессмертные типы Н.В. Гоголя. И представьте, таких бурнаковских племянников в Москве не менее 8 тысяч.

По самой скромной статистике.

Шиберов-валютчиков уже выселили из Москвы. Правда, пока еще не всех. Тысячи три.

Вот, ежели бы вслед за ними попросили и племянников, бесподобно бы было. Истинный Бог.

ОБМЕН ВЕЩЕСТВ
Записная книжка

15 числа.

В Одессе на каустической соде сделал 1000 червей. Сего числа прибыл в Москву. Поселяюсь. Хватит? Хи-хи! Я думаю...

16 числа.

У которого человека деньги есть, тот может легко иметь квартиру в Москве. Уже нашел. Правление сдает за 28 червей в месяц ослепительную комнату с гобеленом, телефоном и клозетом. Остальное в доме - рвань коричневая живет.

18 числа.

Контракт на год подписал. Переехал. Гобелен зеленый. Сегодня по двору шел, какие-то бабы смотрели, пальцами показывали на меня. Пушай поклоняются. Председатель говорит: "Вы у нас единственный богатый человек. Хи-хи. Приятно. Что говорить, деньги - сила. Черви-kozyри!

19 числа.

Мебель купи - 80 червей.

Крова - 20.

Пружи матра - 15.

Расходов, черт ее возьми, комната эта требует.

20 числа.

Позвольте... Явился с окладистой бородой. Лицо неприятное. Сколько, спрашивает, за комнату платите? Вам какое дело? Оказывается фин-инспектор!..

21 числа.

Да что он взбесился?! Квартира, говорит, 1/5 часть бюджета; стало быть, говорит зарабатываете вы в месяц $28 \times 5 = 140$ червей. Стало быть, в год 1680 червей!! Стало быть, налогу с вас... Считал, считал и насчитал 120 червей!

Э, не... платить не буду!

28 числа.

Заплатил, будь он проклят, с пеней.

29 числа.

Лопнул водопровод в доме. Обложили пропорционально квартирной плате. С меня двадцать червей.

54

31 числа.

Ремонт лестниц. С меня пропорционально - 18 червей.

Воздушн. Флот - 1 червь.

Дети беспризорн. - 1 червь.

(Вы, кричат, "богатый").

Доброхим... Доброзем...

На туберкулез пролетариям дал пятнадцать копеек.

3 числа.

Двор асфальтом заливали, со всех по целковому, с меня 5 червей. Да, ну вас к черту! Хотел бросить комнату... нельзя, неустойка 500 червей.

9 числа.

Уму непостижимая вещь... Весь дом на мой счет содержится. Стекла вставили всюду, детскую площадку устроили, на председателе правления новые брюки (ему жалование положили).

10 числа.

Явился фин и обложил дополнительно, как "исключительно богатого человека". Единновременно 500 червей. Я даже завизжал. Ничего не понимаю. Со двора асфальтом пахнет. Кричу: "я разорился", а он говорит: "попробуйте не заплатить".

15 числа.

Описали мебель, гобелен, телефон, чемоданы, девять костюмов, кой-что из золота.

Еду в Одессу содой работать.

ПОВЕСИЛИ ЕГО ИЛИ НЕТ

Знаете ли вы, что такое волокита.

Нет, вы не знаете.

Бумага Копосопа и Когококса

Началось с того, что машинистка нахлопала на отвратительной машинке и отвратительной бумажке нижеследующее.

Юзово ПЧ-17, ДС,МС, ШТ

"Местком ст. Юзово просит Вас срочно озаботиться затребовать и вывесить во всех помещениях мастерских, депо, конторах и проч. генерального коллективного договора, кодекса законов о труде, нового локального договора и правил внутреннего распорядка, для широкого и ежедневного ознакомления с ними рабочих и служащих Ваших служб, при чем предупреждают, что через некоторое время охрана труда месткома будет произведена проверка настоящего исполнения и на лиц администрации не выполнивших данного перед союзом обязательства, будут составлены акты".

Во как! Акты будут составлены.

Кстати об актах: почему у нас все считают своим долгом подписываться неразборчиво? Ведь вы же не министры, товарищи?! Под бумажкой две подписи. Верхнюю вовсе нельзя было бы разобрать, если бы не то, что ее повторила машинистка: Нечаев. А нижнюю можно читать двояко: ежели считать, что она писана латинскими буквами выйдет Когококкс, а ежели русскими то Копосоп.

Впрочем, не важно. Приятно то, что на бумажке разборчивый штемпель: Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Это было 18 октября 1923 г.

Ехидный вопрос

ДС Юзово

А где же те экземпляры кодекса законов о труде 1922 г. и правил внутреннего распорядка, которые были высланы вам управлением дороги? Они уже висели в конторах станции. Нового колдоговора

еще не рассылалось. Он объявлен в "Гудке" за № 1022.

Подписи будем писать так, как они написаны, ничего не поделаешь.

За нач. 2 отдел сл. эксплуатац.

А. Пулплу

Договор даешь!

ДН-2.

При сем отношение месткома Юзово, прошу выслать мне по 3 экземпляра генерал. коллективодоговора, Кодекса законов о труде, правил внутреннего распорядка.

Нач. ст. Юзово Козакил

21 ноября 1923 г.

Даешь, говорю!

ДН-2 на № 18999

"Местком требует, чтоб было в товар. кассе, билет. кассе, канцелярии и тех. конторе, а у меня получилось по 1 экземпляру, почему я и прошу еще по 3 экземпляра" - отчаянно пишет начальник станции Юзово и от страха превращается в подписи из Козакила в Козелкова.

И это через месяц 19 ноя. 1923 г.

Поддержка пришла

ДС.

Ходатайство об удовлетворении просьбы ДС Юзово

Подписал А. Пурлис (быв. Пулплу)

И скрепил бывший Кешевлет, а нынешний Конвой.

Чудеса, товарищи!

ДС Юзово.

По разъяснению Д № 396444 от 4 декабря с.г. дорогой получено из центра всего лишь 60 экземпляров колдоговоров, вследствие чего выслать больше не может, а рекомендуется обращаться с ходатайством в местный местком.

Крышка! Нету...

Кто же так разочаровал бедного начальника станции Козакила?

Представьте, тот самый Пулплу, который за него ходяйствовал...
 Для разнообразия подписался А. Пулит.,
 Это было уже за 2 дня до Рождества, 23 декабря.

Что ж таперича делать Козакилу?

Делать ему больше ничего не остается, как опять податься в местком. Он и подался...

*"Местком Юзово на № 807.
 прилагая, ... за № ... и т.д. прошу ... прислать такое количество, какое вы находите нужным"* и т.д.

24 декабря в сочельник.

Прислали?

Неизвестно.

Местком пишет под новый год...

Вывесить требуется, "но снабжением должным количеством ведает хозорган".

Засыпался Козакил! Больше некуда.

*

На сем переписка обрывается. При всей переписке бумага неизвестного человека.

*В редакцию газеты "Гудок"
 При сем учкультран посылает
 Вам материал (9 января 1924г.)*

Мерси.

Повесили ли в конце концов колдоговор?

Может быть и повесили. И висит он и улыбается своими бесчисленными параграфами.

- Повесили-таки, черт меня возьми.

- А может быть и не повесили.

И даже вернее, что нет.

Потому что в толстой пачке-переписке есть несколько штук документов в коих вопль, что молоко не дают.

А в колдоговоре сказано ясно, что молоко давать нужно.

Вот оно какие дела.

Документы читал М. Ол.-Райт.

ПУСТЫНЯ САХАРА

Мучительное умирание от жажды
в 1 действии и 8 картинах.

Картина 1-ая

К ст. "Безводная" подходит битком набитый поезд "Максим". Еще за версту слышно, что пассажиры хриплыми, звериными голосами поют что-то на мотив "Варяга". За полверсты уже можно разобрать слова:

Прощайте, друзья! Не вернемся назад.
Последний наш час наступает.
Растрескалась глотка, горит, - а глаза
Кровавый туман застилает.
Мелькают поля и овраги...
Мы душу заложим за каплю воды,
За каплю живительной влаги!

Картина 2-ая

Поезд подходит к станции. Пассажиры, обезумев от радости, высыпают на площадки. Пляшут на подножках и потрясают котелками и чайниками. Хор на мотив "Комаринской":

- Полно, братцы, будет злиться
Славно в жаркий день напиться
Жи-ви-тель-ной водой
Хо-ло-дной ключевой!

Гремя посудой, бегают по платформе и ищут бак с водой. Бака нет. Бегут на станцию. На станции воды тоже нет. В толпе начинается смятение:

- Ох!
- Что теперь делать?!
- Похоже, воды-то нет!

Подозрительный молодой человек, выходя из-за угла:

- Беспонятный ты народец!
За вокзалом есть колодец!
Только выйдешь из дверей...

- Ох! Колодец?! Да что ты говоришь?!
- Колодец, ребята, колодец!
- Вали!
- Вот он - колодец.

- Где, где?

- Да вот!

- Эх, черт, да это яма выгребная!

Толпа кидается обратно на станцию.

По платформе гуляет ДС и обмахивается платочком.

Толпа напирается:

- Почему на станции воды нет?

- Воды? На станции? Чудаки вы, ей Богу! Наши служащие ходят за водой в соседнюю деревню - за версту отсюда. Пойдите к ним по квартирам, там напьетесь.

Толпа бежит из вокзала в соседнюю улицу.

Картина 3-я

Дом общежития служащих. Перед входом стоят хозяйки с коромыслом через плечо. В ведрах искрится хрустальная, холодная вода. Хор хозяек:

- Шла де-ви-и-ца за во-дой
За хо-ло-дной ключевой.
В самый полдень, в жаркий зной,
В жаркий полдень, ой-ой-ой.

Ой!

Ох, во-ди-и-ца ты вода,
Наша лю-та-я бе-да
Грыжу долго ли нажить -
За версту с водой ходить -
- Ой! Что такое?

От станции бежит простоволосая женщина. Машет руками.

- Хозяйки! В дом! Запирайте двери!

Пассажиры по воду. Осатанели! Звери.

Все прячутся в дом. Щелкает дверной замок.

Картина 4-я

Толпа с пустыми чайниками и котелками подходит к дому. Лица истомлены, глаза горят лихорадочным блеском. Стучат в дверь:

- Хозяюшки! Помогите! Пожалейте, сестрицы!
- Погибаем! Дайте глоточек водицы!

Из всех окон одновременно высовываются жирные кукиши и невидимый хор хозяек поет:

- Понапрасну Ванька ходишь,
 Понапрасну ножки бьешь.
 Ни черта ты не получишь,
 Болваном домой пойдешь!

Толпа со слезами смотрит на торчащие из окон кукиши.

Мимо проходит Пече с рыболовным сачком в руках. Пече несколько не удивлен этой сценой. Пече даже сочувствует бедным людям:

- Идите, - говорит, - бедные люди за угол направо. Там стационарный бассейн есть. С водичкой. Там и напьетесь.

Картина 5-я

Стационарный бассейн. Зловоние. Вода густо сдобрена азотом. В вонючей смеси плавают 5дохлых кошек, 6 ворон и крыса. Кругом летают гигантские малярийные комары.

Рев приближающейся толпы на мотив "Уморилась".

Где он, где он, где он, - сей
 Наш спасительный бассейн?
 Уморилась, утомилась,
 Исстра-да-ли-ся!

Подходят ближе... Еще ближе... Еще... Еще...

- Ох, нет! Давайте занавес! Следующую картину!

Картина 6-я

Стационарные задворки.

Стоит бак с надписью: "Кипяченая вода".

Пече, Мече и Вече сачками вылавливают из бака головастиков: кто больше зачерпнет?

Потом пускают головастиков обратно в бак, и игра начинается сначала.

Они так увлечены, что толпа жаждущихся застаёт их за этой интересной игрой.

- Ага, вот они чем занимаются?!

- Изверги, кровопийцы, где вода?

- Почему бак не на месте? Почему с головастиками, - сказывай!

Пече спокойно ждет, пока стихнет буря негодования. Правдивыми, честными глазами смотрит он в глаза измученным людям.

- Товарищи! Эти головастики... они не простые. Для научных целей разводятся.

КИПЯЧЕНАЯ ВОДА.

- Для научных целей? Ах, вы, ироды! А кошки дохлые в бассейне тоже для научных целей?!

- Товарищи! Не волнуйтесь! Ей Богу, мы не виноваты насчет кошек! Понимаете, эти кошки... они... самоубийцы. Ей Богу, на моих глазах десятая кошка с собой кончает. И дался ведь им этот бассейн несчастный!

- Да что ты врешь-то, глазенки твои бесстыжие!

- Что голову людям морочишь!

- Русским языком тебя спрашиваем: почему воду в бассейне не сменили? Почему кошек дохлых не выловили?

- Пробовали, товарищи! Ей Богу, пробовали. Только вытащить их никак невозможно. Вцепились они когтями в воду... то-есть в мажут, и ничего с ними поделать нельзя. Тащили-тащили и бросили...

- Бросили? То-то вы бросили?

- Вас бы самых туда заместо этих кошек!

- Ну, сказывайте, ироды, где воду взять!

- Товарищи, не волнуйтесь! Честное слово, вода в двух шагах от вас. На водокачке. Через пути, налево.

Озлобленная толпа направляется к водокачке. Пече, Мече и Вече захлебываются икотой и недоумевают: "Кто это, дескать, нас так крепко вспоминает?"

Картина 7-я

На переднем плане - водокачка. Она выглядит хмурой, озабоченной... К ней робко подходят изможденные люди, протягивая вперед чайники и котелки.

- Водокачечка! Матушка! Кормилица!

- Пожалей ты нас, горемычных!

- Дай водицы!

- Капельку!

- Глоточек!

Толпа в ужасе замолкает.

Водокачка внезапно содрогнулась и явственно слышен ее каменный, замогильный голос.

- Человек надоедлив и глуп...

Лезет с просьбами всякий и каждый...

Я сама изнываю от жажды -

Кукиш с маслом! Холеру Вам в ... пуп!

Раздается громоподобный, подозрительный звук, и водокачка извергает из себя сгустки вонючей плесени и разный мусор.

Толпа раздражается бурей угроз по адресу Пече, Мече и Вече. В это мгновение со станции слышится 3-й звонок.

Картина 8-я

Рабочий поезд "Максим" отходит со станции "Безводная".

Из вагонов доносится хрип, предсмертные стоны и проклятия.

Пече, Мече и Вече слушают проклятия и укоризненно качают головой. Всем своим видом они говорят:

- Боже мой! За что?! И так вот каждый день!

И затем уже вслух:

- Нетерпеливый народ пошел! Буян-народ! А мы - мученики!

Из последнего вагона поезда вырывается душераздирающий вопль:

- Воды! Во-ды-ы-ы!!

Послесловие

Если читатель, прочтя предыдущее, скажет: "выдумки" - мы к сожалению должны будем разуверить его. Все написанное, по существу, голая, непреувеличенная правда - наши рабкоры собрали ее по кусочкам на следующих станциях: 1. Красный Берег - Зап. ж.д. (рабкор № 291); 2. Каменская-Ю.-В. ж.д. (Поляков); 3. Аляты - Закавказской ж.д. (рабкор № 255); 4. Пачелма - Сызр.-Вяземской ж.д. ("Чумазный"); 5. Батраки - М. Каз. ж.д. (рабкор № 694); 6. Гомель - Зап. ж.д. ("Жало"); 7. 209 верста - Мос.-Каз. ж.д. - Казарма (рабкор № 694).

Конечно, не на всех указанных станциях воют именно пассажиры: чаще даже они уступают эту честь мастерским, депо, казармам и стрелочным постам.

Конечно, не везде, кошки кончают жизнь самоубийством (бассейны не на каждой станции есть).

Не спорим: все эти станции во многом отличаются друг от друга. Но суть их одна: каждая из них - кусочек безводной пустыни Сахары и каждая под угрозой эпидемии.

Имеющие уши слышать - пусть услышат...

М. Мишев

НЕЗАСЛУЖЕННАЯ ОБИДА

Заведует железнодорожной школой при ст. Успенская Екат. дороги учитель Николай Гаврилович Кириченко. 7-го мая он устроил в помещении успенского сельбудинка спектакль (играли ученики), сбор которого шел в пользу школы.

Спустя четыре дня после спектакля получил учитель от местной ячейки комсомола записку, которая, как он сам пишет, "перевернуло ему все нутро".

И, действительно, можно перевернуть:

Завшколой тов. Кириченко.

После постановки вашего спектакля вы не позаботились привести сцену в порядок, а потому просим сегодня же привести в надлежащий вид, в крайнем случае уборка будет произведена за ваш счет.

За секретаря ячейки...

Следуют подписи:

Крайнего случая не произошло: не пришлось за счет учительских грошей производить уборку, потому что учитель сам взялся за метлу, и убрал со сцены сор, набросанный, главным образом, самими же комсомольцами.

Но покончив с обязанностями уборщицы, учитель взялся за перо (оно ему свойственно более чем метла) и написал:

"Я приходил к комсомольцам в сельбудинок безвозмездно читать лекции и политбеседы и часами в холод поджидал, пока соберутся комсомольцы.

Я сам приносил им в клуб географические карты и гвозди, и этими гвоздями карты прибивал.

Устраивал бесплатные спектакли, при чем сам устанавливал декорации и убирал сцену.

Работал и по праздникам и по ночам.

Словом, никаким трудом не пренебрегал и за это получил обиду. Не важно, что пришлось подметать пол, а важно то, что молодые ребята приказывают мне делать то, что я вовсе не обязан, да еще в обидном недопустимом тоне. На ружейный выстрел не захочешь после такого отношения к учителю подойти к сельбудинку и что-нибудь сделать для него".

*

Крыть в ответ нечем. Успенские комсомольцы! Поступили вы с учителем нехорошо, неаккуратно: Обидели его, а за что - совершенно неизвестно.

Всякую культурную силу, работающую в нашей школе, нужно беречь и уважать.

Вывод тут один: если обидели, нужно извиниться перед учителем и добрые отношения с ним восстановить.

Это вам настойчиво советует "Гудок".

М.Б.

БАННЫЕ ДЕЛА

Кре-ди-тов нема!

На ст. Сагуны Ю.-В. ж.д. есть баня. Бедная! Одинокая! Ни одна живая немытая душа не заглядывает в нее.

Почему? - спросите ПЧ ст. Евстратовка, коему банный котел послан для ремонта еще в январе месяце. Он насупится и изречет:

Кре-ди-тов нема!

А потом - скороговоркой шепотом:

- Управление задерживает!

И он прав. Нужно поторопить почтенное управление, чтобы оно разрешило, наконец, кредит на ремонт старого котла или же на покупку нового.

Рабкор 210.

Что происходит на ст. Андижан Ср. Аз. Ж.Д.

Баня разваливается.

Рабочие чешутся, срывая с немытого тела полуторавершковыи пласты грязи.

ПЧ благодушно щурится на солнышко и гладит свое чистое белое тело (у него есть баня на другой станции).

Все это происходит под одобрительное молчание управления.

Рабкор 644.

Четырехлетняя волокита

Происходит она на ст. Лиозно Ор.-Вит. ж.д. Предмет сей волокиты - баня. Камень преткновения ее - ремонт.

Уже несколько раз подвозили материалы, открывали и закрывали кредиты.

Уже 13 раз служащие протоколами общих собраний взывали к помощи учкпрофсожа. Уже 2 раза писали в "Гудок".

Но ... воз и ныне там. Материал, подвезенный для ремонта бани, гниет.

Лиозновцы в количестве 120 человек обрастают грязью.

А волокита торжествует. По чьей вине - неизвестно.

Вот на выяснении этого мы и настаиваем

Булавка.

Рассказ оскорбителя нравственности

Меня схватили на ст. Бахмач М.-К.-В. ж.д., когда я в голом виде среди бела дня бежал по платформе. Но я не виноват. Чес-слово, не виноват! Пускай читатель будет мне судьей.

Я приехал на эту станцию - на Бахмач, значит, по делам. Время - неважно.

Ну и захотел помыться. Гляжу - баня. Зашел.

Батюшки-светы. Как оттуда шибанет вонью, дымом! Да ветер сквозь стены: У-у-у! У-у-у! Одначе я себя пересилил. Разделся.

Холод в бане. Гляжу - тридцативедерный чан с водой. А кругом человек пять местных. Смеются чего-то. Ты, говорят, водичку эту с почтением набирай! Мы ее из колодца через раздевальную таскаем! Взяться, значит, шайку погрузил в чан, вынул... караул!

Запрыгали оттуда лягушки, ящерицы... Да на живот мне... да по ногам...

Разве, я виноват, читатель! Разве ты не сделал бы то же самое!
 Правдивость рассказа
 удостоверяю "Зоркий".

ПЧ "ущемил"

Теплотехника ст. Обидино С.В. ж.д. постановила:

- Отпускать для бани топлива 0,50.

Но ПЧ 2 распорядился иначе:

- Глупости! Не 0,50, а 0,12! Хватит и этого! Да! Вот еще что! С этой самой секунды пускай служащие сами топят баню. Рабочей силы больше не буду давать.

Теперь, значит, баню можно топить только раз в месяц. Да еще сколько времени надо ухлопать на каждую топку.

Обидинцы горюют.

Мы им сочувствуем и просим у ПЧ объяснений по данному вопросу.

142.

2000 человек без бани

На ст. Гудермес СКПС - 700 работников транспорта. Вместе с семьями, - 2000 человек.

Бани не имеется.

СКОПС очевидно и не думает построить ее. Он достаточно ясно намекал на ограниченность своих средств и на жестокое расходование кредитов. Напомним СКОПСу о следующем.

- Ему предоставлено право заключать локальные договоры с октра-нами, и § 53 пункт "Услуги ПКПС коллективного генер. договора" постройку бань предусматривает.

Пусть СКОПС примет соответствующие меры.

П.К.П.

"Распорядился"

- Есть баня на разъезде Ящицы Зап. ж.д.?

- Есть!

- Моются в ней?

- Никак нет!

- ???

- Не удивляйтесь? Баня разрушена. ПЧ-4 "распорядился" ее почи-нить, но не дал материалов.

Мало того, - даже не указал, где их взять.

Вот поэтому рабочие не моются уже 4 месяца. Вот поэтому мы об-ращаем внимание ПЧ на что, что ему нужно быть более энергичным и распорядительным

Рабкор 719.

На вес золота

Что делают эти белые голые люди? Почему они сиротливо сидят в предбаннике ст. Мурманск Мурман. жел. дор.?

- Шш! Они дожидаются горячей воды. Они не уверены, что таковая сегодня будет.

Пожалей их, читатель! Если даже они дождутся этого счастья, им предстоит долгое 2-часовое ожидание в очереди. Ибо, горячая вода в сей бане - на вес золота.

Дело в том, что управление не желает увеличить котлы для нагр-вания воды.

А это необходимо.

Рабкор 545

ПЧ-11, прими меры!

ПЧ 11 Зап. ж.д.! Почему ты не разрешаешь соединить водопроводом баню, находящуюся на ст. Ацвеж с гидравлической колонкой, которая находится тут же на расстоянии 60 саженей?

Ведь у ПД-2 имеются для этой цели трубы и все приспособления. Они валяются на дворе и ржавеют.

Всей работы здесь - на одну неделю - для одного рабочего.

ПЧ-11! Подумай о том, что двое рабочих таскают воду для бани вручную - за 60 саженей. И таскают ни больше, ни меньше как по 100 ведер.

Рабкор 543.

Банное послесловие

Халатное отношение администрации к банным неурядицам опирается, очевидно, на летнее время:

Зачем, дескать, баня теперь?

Помылся в речке или в пруду - вот и чист! Вот и правила гигиены и санитарии соблюдены!

Чтобы рассеять это вредное заблуждение, мы дадим небольшую справку из области медицины.

Наше тело дышит не только при помощи легких. Дыхание совершается и через кожу - через бесчисленное множество пор. Через поры же удаляются в виде пота все ядовитые вещества, выделяемые нашим организмом.

Что же наблюдается, если происходит закупорка пор?

Ответом на это служит такой случай:

В средние века, в Риме для украшения одного празднества взяли мальчика и сделали из него золотую статую - позолотили всю поверхность его тела.

И что же? Через некоторое время несчастливый мальчик умер в страшных мучениях. Позолота всей кожи закупорила поры и остановила кожное дыхание и выделение ядовитых веществ организма.

Грязь тоже забивает поры, и выделяемый пот остается там же. Здоровью наносится незаметный, но тяжелый ущерб.

И только горячая вода может восстановить нарушенное кожное дыхание, холодная вода жирного пота не смывает.

Поэтому сторонники холодной воды, они же - банные волокитчики - должны с этим считаться и принять все меры, чтобы рабочие могли пользоваться банями.

М. Мишев

ДОПРОС С БЕСПРИСТРАСТИЕМ

Польские газеты пытаются доказать, что налет повстанцев на Столбцы произведен красноармейцами.

(Из газет).

Тщетно пытались защищаться окруженные со всех сторон повстанцы. Польская жандармерия навалилась дружно, раздавила и начались расправа и следствие.

- Тю! Бей его! Заходи слева. Хватай. Отрывай ему, сукину сыну, голову. Держи его. Ага! Главарь попался! Ура, ура, ура! Признавайся, зараза, как фамилия?

Моя-то фамилия? - спросил повстанец, удушенный проворными руками, - Моя фами... пусти глотку ... фамели ... Хрр ... Хрюсский..

- Врешь!

- Хрюсский.

- Врешь! Врешь!

- Не бей безоружного - просипел повстанец, - говорю: Хрюсский.

- Признавайся, дьявол, ты из Красной армии?

- Здешний я ... да не бейте-же, говорить не могу... Из-под

Столбцов...

- Вре-е-ешь!! Ты из Минска!

- Ничего подобно... в живот не бей...

- Из Минска, пся крев!

- Ну, шут с вами, панове... Хоть из преисподней...

- Ага, заговорил, заговорил! Ты у меня заговоришь.

- Ккк... как же я заговорю, когда ты мне рот кула... кулаком заткнул.

- Убью!! Сколько вас, красноармейцев?

- Да не было их ...

- Не было?! Не было?! Не было?!

- Бы... бы...

- Пишите, пан хорунжий: главарь шайки сознался, что в налете участвовали красноармейцы из Минска. Сколько вас было?

- Трах, трах, трах!

- Ух, ... тр... тр...

- Тридцать?

- Пишите - триста. Или лучше для ровного счета - три тысячи.

- Буденный участвовал? Молчишь, к-каналья?!

- А вы его шомполом по башке. Сразу заговорит.

- Ух... б... у...

- Ну, вот видите, участвовал. Пишите по показаниям повстанцев, руководил налетом сам Буденный. Эге?! Да, может-быть, и Троцкий руководил? Не иначе, Троцкий. Что-то тут сильно Троцким пахнет. Отвечай!!

- ...

- Не отвечает, негодяй.

- А вы шомпо...

- Пробовал, не помогает.

- Мерзавец! На зло умер. Ну, ладно, убрать его. Давай следующего!

*

Телеграмма в польской газете:

"По показаниям пленных повстанцев, налетом на Столбцы руководили большие красноармейские отряды из Минска под начальством самого Буденного. Есть основания полагать, что план налета разработан самим Троцким, который на аэроплане прилетел в Минск."

Эм.

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО
ТРИ ЗАСТЕНКА

1

За 30 коп. Пытка сифилисом. Узкое помещение в недрах учреждений. Снаружи надпись: „Парикмахер“. Внутри: „Мастера обеспечены предприятием и на чай не берут.“ „Берущий на чай недостойн быть членом профессионального союза.“

Обеспечивающее предприятие состоит из засиженного мухами зеркала, банки с клоком ваты, пульверизатора и недоделанного привидения с лысиной, небритым лицом и хриплым голосом, живо свидетельствующим о совершенно свежем сифилисе.

Разговор начинает привидение:

- Вам что? Побрить?

- Да.

- Садитесь в кресло.

Из-за ситцевой занавески звук бритвы, шаркающей по ремню и еще какие-то звуки, чрезвычайно напоминающие тихие плевки на этот ремень.

„Может быть, на мое счастье у него не сифилис. Может быть, он просто простудился?“

- Де... дерет бритва...

- Ну? Чего же ей драть...

- Шарк... шарк... шарк...

- Ай! Что же вы мне ухо режете?!

- Прыщик у вас был, я его сковырнул.

- Иод есть у вас?

- Иоду нету, я вам камнем прижму. Шею брить?

- Не надо.

- Одеколону надо?

- Не надо.

- Пудры надо?

- Не надо.

- Что с волосами делать?

- Ничего, пожалуйста, с ними не делайте. Сколько с меня?

- 30 копеек.
- До свидания.

Ответа нет.

Двадцать дней побрившийся, ежедневно утром и вечером подходит к зеркалу, подпирает щеку, смотрит. Нетерпеливо ждет сифилиса. Знакомых врачей останавливает, говорит:

- Что поделяваете? Погода хорошая. А я, знаете, брился в нашей учрежденческой парикмахерской... Хе-хе... вы, извините, что я беспокою. Сифилис не так начинается?

- Мм... это просто ссадина.
- Мерси. Вы извините... я, знаете ли, неврастеник.
- Просто он вам всю морду ободрал.
- Хи-хи. Да, ужасный мерзавец.

На 21-й день побрившийся успокаивается, начинается полнеть.

2

За 1 рубль. Пытка одеколоном. Четыре зеркала. 8 электрических ламп. Пудра, пульверизаторы, зеленый одеколон. Две плевательницы. В дверях беременная женщина в белом халате и с платяной щеткой в руках. Зеленого цвета председатель совета Каменев на первой странице журнала „Огонек“. Иногда Каменева временно замещает Буденный или рабочий, бракующий пятаки на монетном дворе.

- Э-э... Долго ждать?
- Пожалте... Пять минут, не больше... Э, что прикажете?
- Побрейте, пожалуйста.
- Женья! При-бор. Из Москвы не уезжаете?
- Мм... нет.
- Бритва не беспокоит?
- Мм... нет, хорошо.
- Что-то давно не видно вас. Мы думали - вы на даче.
- Нет уж, какая тут дача. Денег нет.
- Хе-хе. Факт общего значения. Сами брились?
- Нет, тут меня один негодяй побрил...
- Хи-хи. То-то я смотрю... Лицо освежить?
- Ну, хорошо...

Фр... Фр... Фрр...

- Ух, ух! Жгучий у вас одеколон!

- В глаз попало. В глаз попадет, не дай Бог! Пудру на все лицо?...

- Сколько с меня?

- 85 копеек... Женя. Почистить.

Шарк... шарк...

„Десять или пятнадцать ей? А, черт с ними - 15, как раз рубль.“

- До свидания!

- (Хор) До свиданьица!

3

За 3 руб. 50 коп. Пытка роскошью. Девять зеркал. Мраморные подзеркальники усеяны гранеными флаконами. Малиновые кресла на винтах. Бесчисленные отраженные огни. В двери галуны и потасканная рожа.

- Фуражечку позвольте...

„Попался. Ему, стало быть, двугривенный?..."

„Бритье - 30 коп.“

„Стрижка головы - 50 коп.“

„Ну это еще терпимо ... Будет предлагать, подлец, мыть голову - скажу, что еду в баню. Уйти, пока не поздно? Рубля в два, пожалуй, влетит..."

- Чья очередь? Ваша? Прошу вас. Голову мыть будем пиксафоном или шампунем?

„Черт его возьми!“

- Я... в баню... кхм... ну, впрочем, пожалуй... ш ... шампунем...

- Мальчик! Для мытья головы!

Электрическая сушилка с горячим воздухом, белый платок - в зеркале бедуин. Гм... сколько может стоить мытье?... Гм... таблицы не видно...

- У вас кожа нежная... Горячий компресс следует. Для компресса! Брилином позвольте?

„Господи! Сколько бриолин?“

По бровям ходит щеточка.

- Про-шу вас.

- Сколько с меня?

- Три рубля-с.

- Кхм...

- В кассу, пожалуйста. Получите три рубля. - До кассы неотступная белая тень. Что хочет тень? Полтинник тени - она недостойна быть членом профессионального союза! Это видно по ее глазам. И этому - двугривенный. Галуны окаянные! Была пятерка. Стало рубль тридцать. Вон отсюда! И навсегда.

КАК БОРОТЬСЯ С "ГУДКОМ"
или искусство отвечать на заметки.
Краткое руководство для администрации

Переписка насчет грязи

Что отвечать, если напишут, что на каком-нибудь вокзале очень грязно?

Отвечать нужно так, как ответил санитарный врач 1-ого района Моск.-Казанской ж.д.:

"Понятие о грязи субъективное и хотя вследствие многих дефектов еще недостроенного вокзала нельзя утверждать о его действительной чистоте, то до грязи, с моей точки зрения, еще далеко."

Когда в "Гудке" получили этот ответ, то двух сотрудников сразу хватил паралич, так что они больше писать ничего не будут.

Оставшиеся в живых создали общее собрание для решения следующих вопросов:

1 С какого момента кончается грязь "субъективная" и начинается грязь вокзальная с плевками, похожими на двугривенные, и с окурками и всякой слякотью?

2 На какую высоту напакостить на вокзале, чтобы санитарный врач убедился, что "до грязи" с его точки зрения "близко":

а по щиколотку

б по колено

в или по пояс

Этих вопросов так и не решили. Вся надежда на санитарного врача, что он сообщит.

2000 зубов

Написали в "Гудке", что железнодорожнику Кузнецову, несмотря на постановление зубкомиссии, зубы не вставляют.

Чтобы такое в ответ написать?

Дозрав Моск.-Казанской ответил:

"Кузнецову постановлено вставить искусственные зубы во вторую очередь".

Ликуй, Кузнецов! Будешь ты с зубами. Посто... постой, Кузнецов, постой... Плачь, Кузнецов! Дальше вот что написано: "Кроме того,

дозрав, считает необходимым сообщить, что протезирование ограничено 500 зубами при наличии нуждаемости на первое августа в 2000 зубов".

Пирожок ни с чем.

Напишут, например, что какая-нибудь работа на дороге не производится, волокита, та да ее, вообще - неприятная заметка.

Орлово-Витебская служба администрации на такие заметки хорошо умеет отвечать:

"Хотя в настоящее время на эту работу кредит получен, но так как он деньгами не обеспечен, то фактически ничего пока сделать нельзя".

Да, на такой ответ крыть нечем.

Кредит без денег все равно, что пирожок ни с чем.

- Знаете что, орлово-витебские? Постарайтесь получить кредит с деньгами.

Кружки на привязи

Один корреспондент занялся вопросом о том, почему на станции Люблино-Дачное нету кружек для воды.

Ответ пришел "тридцать три моментально", как говорил Антон Павлович Чехов:

"Хозяйственно-материальный отдел не имел запаса кружек с цепочками, а без цепочек кружек оставлять нельзя".

Вы заведите цепочки, братцы!

"ДС Люблино получил три кружки с цепочками".

Ура, ура, ура. Пейте на здоровье.

М.

РЕ-КА-КА

На станции Тюшки Юго-западных дорог в глухой и ненастный вечер 14 октября 1923 года произошло происшествие. Шел мимо Тюшек поезд № 7, и машинист высунулся, чтобы ухватить обруч с путевой. Но в виду того, что в Тюшках, конечно, тьма полная, машинист ухватил вместо обруча самого помощника начальника станции Тюшки гражданина Пугача и разорвал собственную его гр. Пугача тужурку вдребезги.

Когда гр. Пугач прибыл к домашнему очагу, жена ему сказала так:
- Спасибо, что хоть штаны в целости принес. Служака!

Прошло много месяцев, в течение которых Пугач тосковал по своей тужурке.

Однажды весной 1924 г. неизвестный, с которым Пугач поделился своим горем, сказал ему.

- Чудак ты! Ты слышал, что такое РЕ-КА-КА?

- Нет, - чистосердечно признался Пугач.

- У-у, у-у! Это брат - шутка изумительная. Для разбора всяких дел существует. Ты двинь туда жалобу. Так, мол, и так: при исполнении служебных обязанностей... Проходящего поезда № такой-то машинист вместо обруча пронзил меня и вот, мол, пожалуйста десять целковых за тужурку.

- Неужели дадут? - усомнился Пугач.

- Вот чудак. Обязательно дадут. Нет такого закона, чтобы тужурки рвать. А то сегодня он тебе тужурку, а завтра ухо или руку оборвет. Так нельзя ездить.

- Понятное дело - это свинство, а не езда, - согласился Пугач.

Подзудил Пугача собеседник настолько, что тот написал жалобу. И ровно 8 месяцев спустя после происшествия получился на свет замечательный акт из Ре-Ка-Ка:

"1924 года, мая 8 дня мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что представитель РКК гр. Маркевич сделал обследование во ст. Тюшки по случаю ДСП гр. Пугача от 14 октября прошлого года. Установили, что гр. Пугач к поезду № 7 подавал разрешение на обруче, но в виду темноты помощник машиниста не пронзил руки в центр обруча, пустил руку мимо и ударь его в грудь и упал на землю.

В данное время в конторе ВС обручи имеются в количестве пять штук.

Подписи:

Председатель РКК Маркевич.

ДС (подпись неразборчива).

ДСП Пугач.

Когда Пугач пришел домой, жена спросила:

- Поздравляю тебя, Пугач, с получением десяти целковых.

Пугач ответил:

- Отстань ты от меня! Никаких десять целковых не дали, а дали акт.

- Ну, что же в акте?

- Ничего я не понял, что в акте, - ответил Пугач, - и вообще отцепись от меня.

С тех пор Пугачу проходу не было. Все поздравляли с получением, так что он в конце концов стал злиться.

Корреспондент сочинил по этому поводу блестящие стихи:

Коль скоро речь об обручах идет,

То дело ДСП решенья подождет.

Пока он не найдет по несчастью друзей

От количества всех пяти штук обручей.

А вот порвал ли ДСП тужурку иль не рвал

Об этом акт ни слова не сказал!

Разберется об этом деле ДОРПК,

Не подумали об этом ни ДС, ни председатель РКК.

ПРОГЛОЧЕННЫЙ ПОЕЗД

Рассказ рабочего

Если какой-нибудь администратор - ретивый и напористый, то он может так пакость учинить, что ее никакими ковшами не расхлебашь.

Ничего не подозревая, пришли мы в свои муромские мастерские и заметили на стенах объявление, которое гласит:

Объявление

По распоряжению управления дороги в виду больших расходов на содержание рабочего поезда Муром-Селиваново по М.-Ниж. ж.д. курсирование последнего в скором времени будет отменено, а потому предлагается всем служащим мастеровым и рабочим, едущим на рабочем поезде по М.-Ниж. ж.д., отметить в списке у табельщика своего цеха, кто останется на службе после отмены рабочего поезда, т.е. будет ежедневно ходить за квартиру в селение пешком или найдет частным образом квартиру в городе, так как предоставление квартир от дороги, за неимением таковых, не представляется возможным.

Следует отметить и тем, кто с прекращением курсирования рабочего поезда Муром-Селиваново вынужден будет уволиться из мастерских.

За ТМ Муром Лихоник

14 сентября 24 г.

Копия верна: делопроиз. (подпись).

Что произошло после этого, ни в сказке сказать, ни пером описать: каждый, глядя в даль своей жизни, увидел перспективу: или ночуй на открытом воздухе, или немедленно шаркни ножкой и со службы.

Объявление огорошило рабочих настолько, что многие швыряли шапки на землю.

Я сам лично, поглядев на закопченные наши корпуса, почувствовал отчаяние и муку и пишу во свеуслышание всей республике:

- На каком основании Казанская дорожка гоняет каждый праздник якобы рабочий поезд, населенный женами, прислугами и вообще элементов из Муромы, почти до станции Новашино, при чем каждый и всякий лезет в двери поезда бесплатно?

И почему Курская, как какой-нибудь хищник, сжигает беспощадно топливо и гоняет бригаду бесцельно, отправляя поезд из Муромы до

Селиванова, где паровоз отцепляют и гонят обратно в Муром, а ночью опять этот паровоз мчится за составом рабочего поезда в Селиваново и, наконец, уже утром из Селиванова везет рабочих на работу! Об этом никто ни гу-гу, а наш рабочий поезд проглотила администрация с необыкновенной легкостью!

Пишу и ожидаю защиты от газеты "Гудок".

Рассказ рабочего записали

Рабкор 68 и М

ГИБЕЛЬ ШУРКИ-УПОЛНОМОЧЕННОГО
(Дословный рассказ рабкора)

Шурку Н - нашего помощника станции знаете?

Впрочем, кто же не знает эту знаменитую личность двадцатого столетия!

Когда Шурку спрашивали, от станка ли у него папа, он отвечал, что его папа был станционным сторожем.

Поэтому Шурка пошел по транспортной линии с 12 лет своей юной жизни и после десятилетнего стажа добился высокого звания профуполномоченного.

Вот на этом звании он и пропал во цвете лет.

Его спрашивают:

- Что будешь делать в качестве уполномоченного, Шурка?

А он говорит:

- Я предприниму, братцы, энергичную смычку с деревней.

И предпринял смычку с деревней, и начал ездить в деревню и пить в ней самогон. А самогон в деревне очень хороший - хлебный.

А потом неизвестно, где и как добыл себе наган. Ходит пьяный с наганом по селу и размахивает. А потом так приучился во время смычки к самогону, что начал выпивать по 17 бутылок в день.

Его мать-старушка за ним ходит, плачет, а Шурка пьет, да пьет. А потом глядь-поглядь и начал задерживать деньги рабочих, получаемые им из страховой кассы по доверенности.

Долго ли, коротко ли, начали жаловаться в союз, где в один прекрасный день рассмотрели Шуркины дела и выперли его из профуполномоченных. Вот тебе и получилась размычка вместо смычки.

Тут и кончается рассказ

Рабкор

Пожалуйста, напечатайте этот мой рассказ, и мамаша Шуркина будет очень рада, потому что он до сих пор еще пьянствует. И на днях у него произвели обыск, но нагана почему-то не нашли, куда-то его он задевал.

Письмо рабкора списал

М. Булгаков

Примечание Булгакова. Дорогой Шурка! Видите, какой про вас начали рассказ. Сидя здесь, в Москве, находясь вдалеке от вас и не зная вашего адреса, даю вам печатный совет: исправьтесь, пока не поздно, а то иначе вас высадят и с той низшей должности, на которую вас перевели.

КРУГЛАЯ ПЕЧАТЬ

На ст. Валдай рабочий службы пути остался без продуктов потому что в вагоне-лавке не выдали продуктов без круглой печати. А пока жена рабочего искала печать, лавка уехала.

Рабкор.

Глава 1-ая

Вагон-лавка приехала на некую станцию.

Глава 2-ая

Жена рабочего службы пути Ферапонта Родионова, законная Секлетя, явилась в лавку с заверенной на пять рублей книжкой.

Глава 3-ая

Приказчик порхал, как бабочка, вешал, мерил, сыпал, резал, заворачивал, упаковывал. Отвесив, отмерив, отсыпав, отрезав, завернув и упаковав, взял книжку Секлетей, поглядел в нее, распаковал, развернул, обратно сыпал и сказал:

Глава 4-ая

Не могу-с!

Глава 5-ая

- Почему? - спросила пораженная Секлетя.

Глава 6-ая

- Круглой печати у вас нету.

Глава 7-ая

- Где-ж они потеряли свои бесстыжие глаза? - спросила Секлетая, неизвестно на кого намекая - не то на помощника начальника участка, подписывавшего книжку, не то на артельного старосту ротозея.

Глава 8-ая

- Дуй, тетка, в местком или к другому помощнику начальника участка или начальнику станции, - посоветовал приказчик.

Глава 9-ая

Тетка дунула, все время ворча что-то про сукиных сынов.

Глава 10-ая

- Приложите мне круглую печать, да поскорее, - попросила она в месткоме.

- С удовольствием бы, тетка, и печать у нас есть, да не имеем права, - ответил ей местком и начальник станции.

Глава 11-ая

- А я имею право, я бы и приложил тебе, тетка, но у меня печати нет, ответил ей другой помощник начальника участка.

Глава 12-ая

Тетка взвыла и кинулась в лавку.

Глава 13-ая

А та взяла и уехала.

Глава 14-ая

А контора, составляя списки на жалованье, вычла с ферапонта Родионова пять рублей за якобы взятые продукты.

Глава 15-ая

А Ферапонт Родионов ругался скверными словами, узнав про это.
И был совершенно прав.

Глава последняя

В общем и целом безобразники и волокитчики сидят на некоей
станции и в ее окрестностях.

М.Б.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СТЕНГАЗЕТЫ
(ее собственный дневник)

Я - стенгазета. Издаюсь на ст. Палоград Южных жел. дор. Зовут меня "Клевак". Имя, может быть, и не особенно красивое, но рабочее. Так меня окрестил мой папаша - профкружок в честь инструмента, которым вытягивают гнилые шпалы из-под пути.

*

В начале моей жизни (в декабре 1923 года) меня писали на больших листах в пяти экземплярах, при чем я висела на всех стенах.

*

Через некоторое время меня стали писать на трех листах, а потом на одном. Причем мой заголовок нарисовали на доске, а статьи на листах бумаги приклеивали на нее. Из двухнедельной меня сделали постоянной и на старые новости наклеивали новые новости. Жаль только, что, вися под постоянным заголовком, я никуда из месткома не выходила.

*

В одно прекрасное время вместо новостей на мне почему-то появились объявления и притом в таком количестве, что я совершенно ослепла. Невероятно воняло клеем и как сквозь сон я слышала, что мой профкружок распался к чертям.

*

Однажды летом 1924 года я слышала разговор, что будто бы меня берется издавать ячейка комсомола.

*

И точно: однажды утром с меня содрали все бельмы, и я вижу, что передо мной стоит секретарь месткома и внимательно смотрит на меня. Проходили всякие люди и спрашивали:

- Чего ты смотришь?

Он ответил:

- Я хочу раскрасить ее попривлекательнее и поидейнее, но рисовать совершенно не умею.

*

Тем не менее, не умея рисовать, он нарисовал эскиз идейного содержания, потратил на это дело восемь дней.

*

Затем он призвал нашего уважаемого маляра-артиста - комика-режиссера - бывшего ремонтного рабочего, а ныне истопника и совершенно безыдейного художника Петрушку и вручил ему деньги и свой эскиз.

*

Петрушка данный ему эскиз потерял и нарисовал меня по своему собственному эскизу: желтыми буквами по зеленому фону, устроив таким образом надо мною пивную вывеску.

Когда я высохла, меня торжественно внесли в местком и несмотря на то, что я была единогласно признана двухнедельной, в течении пяти месяцев выпустили всего лишь три номера.

*

Самым лучшим периодом моей жизни был третий номер, который был очень хорошо раскрашен и вывешен не в месткоме, а в культуголке, где рабочие любовались мной.

*

Затем про меня почему-то забыли, а так как на мне была карикатура, изображающая рабочих, бегущих в ватер-клозет, то какой-то шутник изобразил на мне кучки брызжущего человеческого кала, испакостив таким образом, всю мою физиономию.

*

Можете сами судить.

*

Однажды вечером подошел ко мне секретарь месткома, увидел на мне безобразие и содрал меня, сказав стоящим рядом комсомольцам: - Надо, ребята, следить за газетой и не подрывать ее авторитета дурацкими рисунками.

*

Слова его были очень умные. Но так как он, содрав меня, ничего на доску не навесил, то очень скоро меня поперли со стены и поставили в темный коридор.

*

Где я стою и до сих пор.

*

Стою и думаю - до каких же пор я буду стоять?

Разные люди ходят вокруг меня и говорят, что вся моя редколлегия яростно занимается физкультурой. Кроме этого в местном кине-

матографе появились две изумительные по глупости картины: одна - "Мечь маркитанки", а другая "Муж, жена и вопрос". Эти картины проглотили не только все внимание моих редакторов, но и все их главные средства.

*

Однако, где эти 93 коп. - неизвестно. Боюсь, не слопала бы их маркитанка?

*

Таким образом, я стою в пыли и паутине, зарастаю грязью и думаю, что в один прекрасный день вместе с моим пивным заголовком расколуют на дрова.

С почетом
стенгазета "Клевак"

Дневник записали совместно рабкор Клевак и фельетонист Булгаков.

УДАЧНЫЕ И НЕУДАЧНЫЕ РОДЫ
558-го рабкора рассказ

Чуден Днепр при тихой погоде, но гораздо чуднее Московская участковая страхкасса М.-Б. Балт. ж.д.

Приходит рабочая 2-ого околотка пути, чтобы получить пособие после родов за 8 недель. Бюллетень у нее честь-честью - подписан врачебно-контрольной комиссией.

Взяли бюллетень и сказали:

- Придите через полторы недели.

Она послушно пришла через полторы недели и получила по 87 коп. за 40 дней.

- А скажите, дяди, - спросила рабочая, - сколько дней в 8 неделях?

- Разно бывает, и больше и меньше, - ответили ей.

И точно: тут же открывается дверь и входит вторая рабочая того же самого околотка и того же разряда по тарифной сетке, которая родила, но на четыре дня удачнее: у нее в 8 неделях вышло 44 дня.

Тогда первая подняла бунт:

- Объясните - почему?!

На что ей ответили страхкассиры:

- Мы с вами, дорогая родильница, времени терять не можем. Возвратитесь к воспитанию вашего дитяти.

- А я жаловаться буду!

- Пожа... пожа...

- А куда?

- Туды.

И показали в окно.

Указательным пальцем.

Она постояла.

Плюнула.

И ушла.

Михаил Б.

СВАДЬБА С СЕКРЕТАРЯМИ

(Подлинное письмо рабкора Толкача)

Пардон! Что письмо мое, дорогие товарищи редактора, не носит столичного характера, а узко местный. Однако, если бы не существовал на свете "Гудок", знаменитый обличитель всех, то моя статья-заметка погибла бы в пучине неизвестности, благодаря существованию нашей стенной газеты, в редакционную коллегию каковой входит как раз нижеописанная мною личность - номер первый. А не дурак же он! Чтобы сам про себя помещал обличающую корреспонденцию во весь рост!

Нет, далеко не дурак, и в частности в смысле самогона.

Итак, в нашем богоспасаемом Льгове II-ом, я проходил в компании комсомольцев и беспартийных, и разговаривали мы о поднятии производительности в республике, как слух наш был поражен звуками трубного оркестра, урезавшего марш "На сопках Манчжурии", на весь Льгов II. Осмотревшись, мы убедились, что оркестр происходит из железнодорожника Харченко, квартирующего здесь. Тут же мы констатировали факт свадьбы в доме обозначенного Харченко на антирелигиозной основе. Интересуясь антирелигиозным браком, мы прильнув к освещенным окнам, разглядели в бездне беспартийной молодежи и разлагающихся стариков лица:

1) секретаря ячейки РКП. т. Полякова.

2) бывшего секретаря ячейки комсомола,

при чем на обоих лицах, как бывшего, так настоящего была написана жажда.

Пораженные, мы стали ждать, что она обозначает, при чем комсомолец Сеня заметил:

- Я знаю, чего Поляков затесался сюда: специально для проведения свадьбы. Погодите, ребята, сейчас он выступит с речью, при чем вы все ахнете, до того он изумительно красноречив.

И мы задержались, облепив окна, как гвоздья винограда.

И хозяин Харченко вручил П. и бывшему секретарю по громадной чарке самогона, вызван страшный хохот в беспартийной массе, любовавшейся свадьбой под окнами, и разные слова, как-то:

- Хороши наши секретари. Они, оказывается, ждали самогону, как вороны крови.

И тут я, сгорая от стыда, услышал антирелигиозную речь П., со-

держание коей я немедленно занес в свою записную книгу дословно:

- Здоровье новобрачных! Ура!

И затем после второй чарки самогона.

- Горько! Горько!

После чего под громовой хохот все напились.

Я прямо краснею.

Толкач

Письмо списал *Михаил*

ЗОЛОТЫЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

В корреспонденции Петра Ивановича Капорцева (проживает в провинции) исправлена мною только неуместная орфография (яти, твердые знаки и "и с точками"), Одним словом корреспонденции подлинные.

Письмо сопроводительное

Уважаемый литератор, прежде всего, позвольте Вас поздравить по поводу Вашего пребывания в самом центре.

Однако надеюсь, что Вы не забыли провинциальных Ваших знакомцев, с коими проводили незабвенные 1921 - 1922 года.

Посылаю Вам при сем мои корреспонденции. Вы не удивляйтесь, хотя я и служу, как Вам известно, в почтово-телеграфном учреждении, я по своей натуре - сатирик. Но, конечно, где нам! Для нас имеется редакторская корзина, а Вы знаете все входы и выходы. Что негодное, конечно бросайте, но может быть что-нибудь и заинтересует читателей Вашего пера.

Относительно гонорара не беспокойтесь, впрочем, если что-нибудь и уплатят, 50 % - Вам, а 50 % не откажите выслать по адресу "г. Бывш. Благодатск, почтовое отделение, Петру Ивановичу Капорцеву!"

Вы обращайтесь в вашем стиле, а я буду Вам посылать сырье. Только убедительная просьба: фамилию мою ни в коем случае не опубликовывайте. Во-первых, для печати как-то неблагозвучно - Капорцев, а во-вторых, я опасаясь, как бы мне не загудеть со службы, насчет корреспонденций у нас очень строго. Лучше всего Вы пускайте под Вашей фамилией: Вам-то ведь все равно!

Итак, дорогой благодетель, посылаю на первые дни 72 корреспонденции, извините что мало. Но есть интересные вещи о теневых сторонах нашего провинциального быта, как-то: 1) кооперативная постройка несгораемого дома, 2) грандиозный скандал нашего фельдшера Птюхина, 3) как неудачно подняли производительность, 4) потеря трудовой книжки ловеласом Антоновым, 5) извращение производственного кружка, и пр., как указано 72 номера. При сем список.

Остаюсь Ваш покорнейший слуга и приятель П. Капорцев.

ВАНЬКИН - ДУРАК

Чуден Днепр при тихой погоде, но гораздо чуднее наш профессиональный знаменитый работник 20-го века Ванькин Исидор, каковой прилип к нашему рабклубу, как банный лист.

Ни одна ерунда в нашей жизни не проходит без того, чтобы Ванькин в ней не был виноват.

Получил он от нас прозвище "поп" за свои нестерпимые речи и разные непонятные слова вроде "траектория", "капитализ", "резюми", и то. подо. благодаря чему как будто он обедню служит на каждом пролетарском празднике.

Мы, грешным делом, надеялись, что его в центр уберут, но, конечно, Ванькина в центре невозможно держать!

И вот произошло событие. В один прекрасный день родили одновременно две работницы на нашем заводе, Марья и Дарья, и обе девочек, только у Марьи рыженькая, а у Дарьи обыкновенная. Прекрасно. Наш завком очень энергичный и поэтому решили прооктябрить как ту, так и другую.

Ну, явно и понятно: без Ванькина ничто не может обойтись. Сейчас же он явился и счастливым матерям предложил имена для их крошек: Баррикада и Бебелина, так что первая выходила Баррикада Анемподистовна, а вторая просто Бебелина Иванна, от чего обе матери отказались с плачем и даже хотели обратно забрать свои плоды. Тогда Ванькин обменял на два других имени: Мессалина и Пестелина, и только председатель завкома его осадил, объяснил что Мессалина - такого имени нет, а это картина в кинематографе.

Загнали, наконец, Ванькина в пузырьек. Стих Ванькин и соединенными усилиями дали мы два красивых имени: Роза и Клара.

- Как конфетка будут октябрины, - говорил наш председатель, потирая мозолистые руки, - лишь бы Ванькин не изгадил. - В клубе народу набилось видимо-невидимо, имени тов. Луначарского, все огни горят, лозунги сияют. И счастливые матери сидели на сцене с младенцами в конвертах, радостно их укачивая. Объявили имена и председатель предложил слово желающему и, конечно, выступил наш красавец Ванькин. И говорит:

- В виду того и принимая во внимание, дорогие товарищи, что имена мы нашим трудовым младенцам дали Роза и Клара, предлагаю почтить память дорогих борцов похоронным маршем.

- Музыка, играй!

И наш капельмейстер, заведывающий музыкальной секцией, звучно заиграл "Вы жертвою пали". Все встали в страшном смятении и в это время вдруг окрестность огласилась рыданием матери № 2, Дарьи, вследствие того, что ее младенец Розочка на руках у нее скончалась.

Была картина, я вам доложу! Первая мать, только сказав Ванькину:

- Спасибо тебе, сволочь, - брызнула вместе с конвертом к попу, и тот не Кларой, а просто Марьей окрестил ребеночка, в честь матери.

Весь отставший старушечий элемент Ванькину учинил такие октябрины, что тот еле ноги унес через задний проход клуба.

И тщетно наша выдающаяся женщина-врач Ольга Мих. Динамит объясняла собранию, что девочка умерла от непреодолимой кишечной болезни ее нежного возраста и была уже с 39 градусами и померла бы, как ее ни называй, - никто ничего не слушал. И все ушли, уверенные, что Ванькин девчонку похоронным маршем задавил наповал!

Вот-с, бывают такие штуки в нашей милой отдаленности.

С почтением Ф. Скитайкин.

ШПРЕХЕН ЗИ ДЕИТЧ?

В связи с приездом в СССР многих иностранных делегаций усилился спрос на учебники иностранных языков. Между тем, новых учебников мало, а старые неудовлетворительны по своему типу.

Металлист Щукин постучался к соседу своему по общежитию - металлиту Крюкову.

- Да, да, - раздалось за дверью.

И Щукин вошел, а войдя, попятился в ужасе -

Крюков в одном белье стоял перед маленьким зеркалом и кланялся ему. В левой руке у Крюкова была книжка.

- Здравствуй, Крюков, - молвил пораженный Щукин, - ты с ума сошел?

- Найн, - ответил Крюков, - не мешай, я сейчас.

Затем отпрянул назад, вежливо поклонился окну и сказал:

- Благодарю вас, я уже ездил. Данке зер! - Ну, пожалуйста, еще одну чашечку чаю, - предложил Крюков сам себе и сам же отказался: - Мерси, не хочу. Их виль... Фу, дьявол... Как его. Нихт ниht! - победоносно повторил Крюков и выкатил глаза на Щукина.

- Крюков, миленький, что с тобой? - плаксиво спросил приятель, - опомнись.

- Не путайся под ногами, - задумчиво сказал Крюков и уставился на свои босые ноги. - Под ногами, под ногами, забормотал он, - а как нога? Все вылетело. Вот леший... Фусс, фусс! Впрочем, нога не встретится, нога - ненужное слово.

- Кончен парень, - подумал Щукин, - достукался, давно я замечал...

Он робко кашлянул и пискнул.

- Щученок, что ты говоришь? Выпей водицы.

- Благодарю, я уже пил, - ответил Крюков, - а равно и ел, (он подумал), а равно и курил. А равно...

- Посижу, посмотрю, чтобы он в окно не выбросился, а там можно будет людей собрать. Эх, жаль, хороший был парень, умный, толковый... - думал Щукин, садясь на край продранного дивана.

Крюков раскрыл книгу и продолжал вслух:

- Имеете ли вы трамвай, мой дорогой товарищ? Гм... Камрад (Крюков задумался). Да, я имею трамвай, но моя тетка тоже уехала в Италию. Гм... Тетка тут не при чем. К чертовой матери тетку! Выкинем ее, майне танте. У моей бабушки нет ручного льва. Варум? Потому что они очень дороги в наших местах. Вот сукины сыны! Не-подходящее! - кричал Крюков. - А любите ли вы колбасу? Как же мне ее не любить, если третий день идет дождь! В вашей комнате имеется ли электричество, товарищ? Нет, но зато мой дядя пьет запоем уже третью неделю и пропил нашего водолаза. А где аптека? - спросил Крюков Щукина грозно.

- Аптека в двух шагах, Петенька, - робко шепнул Щукин.

- Аптека, - поправил Крюков, - мой добрый приятель, находится напротив нашего доброго мэра и рядом с нашим одним красивым садом, где мы имеем один маленький фонтан.

Тут Крюков плюнул на пол, книжку закрыл, вытер пот со лба и сказал по-человечески:

- Фу... здравствуй, Щукин. Ну, замучился, понимаешь ли.

- Да что ты делаешь, объясни! - взмолился Щукин.

- Да понимаешь ли, германская делегация к нам завтра придет, ну меня выбрали встречать и обедом угощать. Я говорю, по-немецки ни в зуб ногой. Ничего, говорят, ты способный. Вот тебе книжка - самоучитель всех европейских языков. Ну и дали! Черт его знает, что за книжка!

- Усвоил что-нибудь?

- Да кое-что, только мозги свернул. Какие-то бабушки, покойный дядя... А настоящих слов нет.

Глаза Крюкова вдруг стали мутными, он поглядел на Щукина и спросил:

- Имеете ли вы кальсоны, мой сосед?

- Имею, только перестань! - взвыл Щукин, а Крюков добавил:

- Да, имею, но зато я никогда не видал вашей уважаемой невесты! Щукин вздохнул безнадежно и убежал.

Тускарора

УГРЫЗАЕМЫЙ ХВОСТ

У здания Муура стоял хвост.

- Охо-хо-хонюшки! Стоишь, стоишь...

- И тут хвост.

- Что поделаешь? Вы, позвольте узнать, бухгалтер будете?

- Нет-с, я кассир.

- Арестовываться пришли?

- Да как же!

- Дело доброе! А на сколько, позвольте, узнать, вы изволили засыпаться?..

- На 300 червончиков.

- Пустое дело, молодой человек. Один год. Но принимая во внимание чистосердечное раскаяние и, кроме того, Октябрь не за горами. Так что в общей сложности просидите три месяца и вернетесь под сень струй.

- Неужели? Вы меня прямо успокаиваете. А то я в отчаяние впал. Пошел вчера советоваться к защитнику, - уж он пугал меня, пугал, статья, говорит, такая, что меньше чем двумя годами со строгой не отделаетесь.

- Брешут-с они, молодой человек. Поверьте опытности. Позвольте, куда ж вы? В очередь!

- Граждане, пропустите. Я казенные деньги пристроил! Жжет меня совесть...

- Тут каждого, батюшка, жжет, не один вы.

- Я, - бубнил бас, - казенную лавку Моссельпрома пропил.

- Хват ты. Будешь теперь знать, закопают тебя раба Божия.

- Ничего подобного. А если я темный? А неразвитой? А наследственные социальные условия? А? А первая судимость? А алкоголик?

- Да какого ж черта тебе, алкоголику, вино препоручили?

- Я и сам говорил...

- Вам что?

- Я, гражданин милицмейстер, терзаемый угрызениями совести...

- Позвольте, что ж вы пхаетесь, я тоже терзаемый...

- Виноват, я с десяти утра жду, арестоваться.

- Говорите коротко, фамилию, учреждение и сколько.

- Фиолетов я, Миша. Терзаемый угрызениями...

- Сколько?

- В Махрестре - двести червяков.
- Сидорчук, прими гражданина Фиолетова.
- Зубную щеточку позвольте с собой взять.
- Можете. Вы сколько?
- Семь человек.
- Семья?
- Так точно.
- А сколько ж вы взяли?
- Деньгами двести, салоп, часы, подсвечники.
- Не пойму я, учрежденский салоп?
- Зачем. Мы учреждениями не занимаемся. Частное семейство - Штипельмана.
- Вы Штипельман?
- Да никак нет.
- Так причем тут Штипельман?
- При том, что зарезали мы его. Я докладываю: семь человек - жена, пятеро детишек и бабушка.
- Сидорчук, Махрушин, примите меры пресечения!
- Позвольте, почему ему преимущества?
- Граждане, будьте сознательные, убийца он.
- Мало ли, что убийца. Важное кушанье! Я, может, учреждение по-дорвал.
- Безобразие. Бюрократизм. Мы жаловаться будем.

Тускарора.

КАРАУЛ!

Ректору ГИЖа

Уважаемый товарищ ректор!

Пишу это на предмет полного искоренения нижеперечисленных лиц. В противном случае советской периодической прессе угрожает гибель со всеми ее приложениями. А лица эти по вашему ведомству.

Итак: глава 1. АЛЬБЕРТ

"Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня свалилась шляпа" - такое написал незабвенный писатель Антон Павлович Чехов. Но он это написал в "жалобной книге", а не в книге со звучным и привлекательным названием "Под восточной звездой" (библиотека "Огонька"). Ее - эту книгу - можно иметь у любого газетчика за 15 коп., а в ней на стр. 9-й:

"... они не думают о том, что прямо из мавританских зал этого дворца им предстоит поездка через бурное море, прячась под кучей просоленных брезентов на палубе рабочей шухны."

Это на 9-й странице, которая следует, как известно, за 8-й, а 8-я - роковая. До 8-й плыл автор Альберт Сыркин более или менее благополучно, а на 8-й плюнул, махнул рукой и перестал бороться с хитрым русским языком. И начались аварии:

"... нефть куда-то возилась в грязных цистернах"...

Протестую, как читатель, заплативший за "Звезду" 15 коп. Даже за такую ничтожную сумму ничего этого не может быть на свете, если и "возилась", то не куда-то, а если "куда-то" то не "возилась". А возили ее, проклятую нефть! Возили ее! Возили!! Она - неодушевленная дрянь. Положим, глагол каверзный. Вообще путаница и непонятно.

"... Он не захотел ехать в Москву, а в ы з в а л с я дипломатическим курьером в Карс" (стр. 17).

Может быть два решения: или не хватает четырех слов, сам вызвался поехать в качестве дипломатического курьера, или - что ужаснее всего - не нефтяной ли это истории повторение: "его вызвали?" (вызвался - вызвали, как возилась - возили?)

О, если так! Тогда Альберту очень плохо в волнах русского языка. И ему действительно нехорошо, и именно на стр. 10-й:

"Энвер-Паша былой диктатор Турции, руководитель армянских резней..."

Энвер-Паша - плохой человек, но множественного числа у слова "резня" нет. Это печально. Русский язык недостаточно усовершенствован, но нету. Слову "резь" посчастливилось, - имеет "рези", но они не всегда армянские.

Армянская же всегда резня, сколько бы раз негодяй Энвер ее ни устроил. Кстати об армянах: слова "порядконаводитель" (стр. 17) нету тоже. Слово "консула", если говорить откровенно, заменено в русском языке словом "консулы". "Лы". Что может быть ничтожнее! А между тем меняет все!

Или: *Год до него* погиб..." (стр. 11). Нет, не погибал! *За год* до него он погиб! (Речь идет о бароне Унгерне-фон-Штернберг).

Здесь уместно (барон... паша) вернуться к Энверу: никто не поверит Альберту Сыркину, что Энвер ходил в серой барашковой шапке с эскортом подобострастных адъютантов.

Какой ты подобострастный ни будь, нет такой шапки на земном шаре!

А если бы и была, та находилась бы она не на Энвер-паше, а в Кремле, рядом с царь-колоколом и пушкой. Царь-шапка.

Альберт открыл миллионы "малярийных бацилл" на стр. 13-й. Нету малярийной бациллы в природе и нечего на нее клеветать. Никакая бацилла малярии не вызывает.

Но не бывает там разных выражений - как-то: "... *Флаги их гордо ежедневно полоскались над улымыми стенами*" (стр. 21) и "... *помогающем соиздаться* и строиться пробуждающему Востоку" (стр. 19), и "... *скоро затем опять* шатался со мной по Закавказью" (стр. 17). Не бывает, чтобы пробирались делегаты по бурному Черному морю, "о к у т а н н о м у сплошной сетью плавучих мин..." (стр. 9). Восьмое чудо такие мины, которые, будучи плавучими, сетью окутывают.

Одним словом, такая книжка не стоит 15-ти копеек.

Глава 2: ИМЕНА ИХ ТЫ, ГОСПОДИ, ВЕСИ

Но куда же "Восточной Звезде" до "Вечерней Москвы".

Компании захотел - ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагеря и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони все видишь!

Это Николай Васильевич Гоголь про "вечорку" сказал. Только он не знал, что в ней не один кавалер, а несколько, и каждый из них

рассказывает изумительные вещи. Про пуговицы из крови и про памятник собаке, про новоизобретенную самим же кавалером теорию происхождения рака и про дерево-людоед, про золотую лихорадку и о том, какая погода будет на земном шаре через 1 миллион лет.

Пища эта может удовлетворить самую жадную любознательность. Но только, "о д н о г о д о в а л о г о" ребенка, как назло, не существует. Бывает двухгодовалый, возможен трехгодовалый и несомненно "годовалый", хотя бы его и напоили бензином вместо лекарства. Можно поверить в кавалерские рассказы об омоложенном миллионере, спившемся от радости, но ни в коем случае нельзя верить, что "Вчера днем по г у с т о м у дыму, замеченному с каланчи в районе Останкино, в ы е х а л а Сухаревская часть" (№ 94). Что сухаревские пожарные - лихие ребята, известно всем, но такая шутка и им не под силу! Сухаревский брандмейстер - не Илья пророк.

Кавалер "Ю.Л." побывал на выставке птиц. Обливаясь кровавым потом, сочинял Ю.Л. отчет об этой выставке (№ 92) и все-таки жертвой пал в борьбе роковой. "О б р а щ а ю т в н и м а н и е бронзовые и белые и н д е й к и - написал предвиденный автором "Ревизора" персонаж - любитель выставок и не добавил "на кого" или "на что" обращают свое внимание поразившие его птицы. Хуже чем "Ю.Л.´у" - пришлось "Прим´у", побывавшему "На берегах Юкона". Прим хотел поделиться с публикой ощущениями, полученными им от картины и игры какой-то актрисы, и сделал это таким образом:

"В ней, как всегда, в п е ч а т л я е т грубоватая простота"..

- Черт знает что! И чина нет такого! Одним... Одним словом, так больше невозможно.

Прошу их усмирить

ДРОЖЖИ И ЗАПИСКИ

Вся эта история целиком помещается в корзине для ненужных бумаг *Муромского Раждо* и состоит из трех записок.

Записка первая

Георгий Никифорович!

Знаю скверное положение Б.Н. Петрова, просил бы тебя при случае устроить хотя бы куда-нибудь. Он человек старательный.

Н. Лихонин.

Записка вторая

Товарищ Кузнецов!

Еще я тебя прошу, если можно, то устрой парня, очень старательный, и если можно, то прошу не отказать.

Кириллов

Записка третья

Резолюция Г.Н. Кузнецова:

В местком служащих на согласование, 21/У.

Кузнецов.

Ну, что ж тут особенного! Что-то с парнем случилось - попал он в скверное положение и пришлось ему прибегнуть к протекции.

Каковую он и получил. Просил за него у Георгия Никифоровича и Лихонин (помощник ТМ мастерских) и Кириллов (из ЖК-15) и Кузнецов резолюцию поставил.

Вот и все.

Впрочем нет, не все.

Записка четвертая

В газету "Гудок" рабкора № 68.

Дорогие товарищи!

Обнаружил я записки Лихонина, Кириллова и выше упомянутую резолюцию. Пишут они, что он старательный.

Действительно старательный.

Ха-ха-ха!

Поступив по запискам на службу в кооператив, Петров прослужил полтора месяца и до того дострадался, что получил 12 июля сего года от администрации 80 рублей для покупки дрожжей.

Каковие 80 (восемьдесят) рублей пропил до последней копейки, вследствие чего пекарня осталась без опары.

Ха-ха-ха!

Поздравляю наших протекционистов.

Подпись.

Записка пятая

И я тоже поздравляю. Так вам и надо. Не развивайте протекционную систему на транспорте, не строчите записок кому попало. Не ходите черным ходом.

Михаил.

АНГЛИЙСКИЕ БУЛАВКИ

1

Принимать бокс за классовую борьбу - глупо.
Еще глупей - принимать классовую борьбу за бокс.

2

Не каждый, не делающий своего дела, забастовщик.

3

"Время - деньги": Принимай поэтому деньги во-время.

4

"Английская болезнь" не всегда консерватизм.
Иногда это - просто рахит.

5

Если ты бездейственен по натуре, не вступай в Совет Действия.

6

Совет короля плюс Совет Действия не создают еще советской системы.

7

Объявить забастовку незаконной - нельзя.
Можно - просто объявить забастовку.

8

Водить массы за нос - еще не значит быть вождем.

9

Туманными фразами Лондона не удивишь: в нем и без того туманно.

10

Не объясняй лондонского томским - тебе не поверят.

11

Если в палате лордов темно - не удивляйся: "высший свет" - одно, а электрический свет - другое.

12

Не суди забастовщиков за "нарушение тишины". Из-за них ведь затихла вся Англия.

13

Конституция - как женщина. Ей не следует хвастать старостью.

14

Присягая королю, можешь покраснеть. Присяга твоя от этого не станет красной присягой.

15

Входя в Букингемский дворец, не говори: "мир хижинам". Это совершенно неуместно.

16

На Бога надейся, а с епископом Кентерберийским не спорь.

17

Не бойся политики. Она отнюдь не жена Поллита.

18

Не говори "дело в шляпе", если знаешь, что дело в кепке.

19

Если ты джентельмен, неходи в парламент в короне: головные уборы снимать обязательно.

20

Снявши парик, по голове не плачут.

Ол. Райт.

АКАФИСТ НАШЕМУ КАЧЕСТВУ

Следует заговорить полным голосом
о качестве нашей продукции ...

Из речи

Вот именно. Я давно уже собираюсь заговорить.

И именно полным голосом.

В самом деле: Я, правда, не изобретал тепловоза профессора Ломоносова и не принимал у гроссмейстера Капабланки ничью под гром аплодисментов восхищенных комсомольцев в Бассейном зале Дома Союзов. Я человек форменно маленький, но, тем не менее, я имею право ходить в носках за свои трудовые деньги.

Ведь носки, в конце концов, не рысаки в яблоках и не бриллиантовые кольца. Носки - предмет первой необходимости...

*

Но прежде чем говорить о носках я расскажу про шубу на белкином меху. Шуба еще важнее носков.

Получив ордер на 210 рублей по рабочему кредиту, я двинулся в государственный магазин.

Перед тем, как двинуться, я имел разговор со своим товарищем, человеком чрезвычайной опытности, каковой человек был с ног до головы одет в сомнительные предметы, приобретенные по рабочему кредиту. Он (человек) сказал мне так:

- А ... ордерок. Ну, будешь ты несчастным человеком. Во всяком случае, я тебя научу: когда придешь в магазин, ты не показывай ордера, а выбери сначала вещь. Пусть они тебя примут за буржуа, а потом ордер и вынешь. Вот увидишь, что будет...

"Странно... странно...", - подумал я и явился в магазин.

- Позвольте мне самую лучшую шубу, какая у вас есть. Самую дорогую, самую теплую, самую красивую и самую элегантную. Я хочу носить хорошую шубу, - так сказал я буржуазным голосом.

После этих слов с молодым человеком, стоящим у вешалок, на которых виднелась бездна шуб, сделался припадок.

Во-первых, он, как белка, взобрался куда-то наверх и потом прикатился обратно. Затем нырнул за какую-то таинственную занавеску и выпорхнул с шубой в руках.

Прочная ли эта шуба? - спросил я, любуясь на себя в зеркало в голубой раме.

На это молодой человек ответил так:

- За внуков ваших я не ручаюсь, но сын ваш будет венчаться в этой шубе.

- Сколько она стоит?

- По теперешним временам ей нет цены, - ответил, обворожительно улыбаясь, этот бандит из магазина, - но мы из любви к человечеству и, чтобы рекламировать качество нашей фирмы, продадим ее за 205 рублей. Миль пардон... Я сниму с вас пушинку.

- Я беру ее. Вот вам ордер - сказал я, - а на остающиеся пять рублей позвольте мне три пары кальсон и полтинник сдачи. Я по рабочему кредиту. - Ах жаль, что нельзя было сфотографировать этого преступника во время моих слов. Нижняя челюсть его легла на его галстук... Он сделал такое движение, как будто собирался отнять у меня шубу, но было поздно. И в шубе и с кальсонами я ушел из магазина госмагазина.

*

Это было в ноябре. А через 4 (четыре) месяца - в марте я пришел по делу в один дом и услышал шепот девочки:

- Мама... Там к папе какой-то оборванный пришел. "Как оборванный. Как это так оборванный. Я - оборванный. 205 рублей".

Я бросился к зеркалу и в марте повисла моя челюсть. В углах карманов были трещины, все петли лохматились. Барашек на воротнике треснул в трех местах, локти лоснились, швы белели. А проклятая госбелка, вследствие неизвестной мне болезни облысела в двух местах. В остальных же местах ее мех стал похож на театральный старческий парик.

За белку я плачу до сих пор. Каждый месяц.

Ботинки я купил в прошлом мае. 12-ого числа. А четырнадцатого того же мая, проходя мимо Николая Васильевича Гоголя, сидящего на Арбате, услышал шарканье. Подняв правую ногу, я убедился, что правый ботинок раскрыл пасть. Из нее вывалился лоскут газеты.

- Что же это такое, глубокоуважаемый Николай Васильевич? - спросил я. - Что это такое, в самом деле? Ведь позавчера это были блистательные ботинки без каких бы то ни было признаков болезни?

Но Гоголь был безмолвен и печален на своем постаменте.

*

За ботинки я отдал 35 рублей.

*

Подвязки дамские, под названием "Ле жартьер", - за 4 с полтиной, и они рассыпались через две недели.

*

Галоши прослужили два с половиной месяца, а с наступлением мокрой погоды служить отказались. Очевидно, это галоши, приспособленные только к сухости. И пока они стояли в передней - были ничего... галоши, как галоши. Но лишь только хлынули вешние воды, они заболели и кончились.

*

И я заболел гриппом.

*

Но, ведь, кажется, хотел сказать о носках. Нет. Не буду я о носках говорить, ничего, чтобы не получить в дополнение к гриппу еще разлитие желчи. Не буду.

*

Достаточно. В углу висит белка. Я ее, лисой дряни, - кредитный раб. В шкафу брюки, блестящие на том же месте, где, при сидении, они соприкасаются со стулом, на гвозде галстук с бахромой, на столе венские сосиски. На постели моя жена, откушавшая венских сосисков, а после них иноземцевых капель... Довольно.

*

Пора, пора нам заговорить полным голосом о качестве нашей продукции.

ПРИВЫЧКА

Обстрелянный английскими крейсерами, Нанкин пылал, как смоляной факел. Армия Чжан-Чжун-Чана отступала перед напавшими кантонцами.

Два рослых китайских офицера, шедшие в стороне от бегущих солдат, до сих пор угрюмо молчавшие, - вдруг заговорили.

- Как по нотам - сказал один из них, помоложе, на чистом русском языке. - Как по нотам, ваше сиятельство!

- Что говорите, барон?

- Говорю, история повторяется. Опять нас бьют. Который раз?

- Ежели по китайскому счету, так выгоняли нас из Гуандана, Гауанси, Квейчоу, Хунана, Хубея, Цзяиси, Фунцзяна, Шанхая...

- Не то. Я беру шире. В мировом масштабе! - сказал барон фон-Шпекс, истинно русский патриот и "славянофил своей родины", хотя бы она была в Китае. - Начиная с Киева.

Князь молча провел правой рукой по усам. Это когда-то считалось "шиком" в гвардейских полках. Полки исчезли. Вместо заложённых карет остались заложённые бриллианты в столицах Европы, но привычка гладить усы "по-царски" осталась.

- Помню, как мы бежали из Одессы! - сказал князь. - Точно так же очищал нам дорогу на юг английский дредноут "Карадок". Точно также гремели раскаты выстрелов.

- Предатели эти англичане - тихо сказал другой, - не могли Одессу разрушить, как Нанкин?

- Ну, знаете, - привычки не было! - Опыт - великое дело: сколько времени прошло, сколько крови пролилось, барон? Научились!

- А эвакуацию из Севастополя помните? Замечательная эвакуация была. Порядок. Ни одного жителя не брали с собой без выкупа! А девчонки?!

Князь покраснел от воспоминаний.

2

Офицеров нагнал "Рол-Ройс". Английский "собственный корреспондент" перегнулся через крыло автомобиля и что-то спросил по-китайски. Офицеры молчали. Он спросил по-английски. Молчание.

- Русские мы, русские! - закричал князь. - Добровольческий от-

ряд. 3000 человек, сэр, За идею сражаемся. Китай завоьем, пойдём на Сибирь... Колчак... Врангель! Понимаете?

"Собственный корреспондент" кивнул рыжей головой, хотя понял он только одно слово: Врангель.

- Как в Одессе! - подумал он, вспоминая поспешное отступление врангелевцев перед красными. - Как в Севастополе... Ну, и народ! Хлопот с ними не оберешься.

- Хороши гуси! - сказал барон, сплевывая вдогонку отъезжающему "Рол-Ройсу" - Любят чужими руками жар загребать.

- Просвещенные мореплаватели... Сволочь! - Мрачно и задумчиво соглашался барон.

И они стали догонять свой уверенно отступавший отряд.

Ол-Райт

ТАРАКАН

- Ах, до чего замечательный город Москва! Знаменитый город! И сапоги знаменитые!

Эти знаменитые сапоги находились под мышкой у Василия Рогова. А сам Василий Рогов находился при начале Новинского бульвара, у выхода со Смоленского рынка. День был серый, с небом, похожим на портянку, и даже очень легко моросило. Но никакой серости не остановить смоленского воскресенья! От Арбата до Новинского стоял табор с шатрами. Восемь гармоний остались в тылу у Василия Рогова, и эти гармонии играли разное, отравляя душу веселой тоской. От Арбата до первых чахнувших деревьев в три стены стоял народ и торговал вразвал чем ни попало: и Львом Толстым, босым и лысым, и гуталином, и яблоками, штанами в полоску, квасом и севастопольской обороной, черной смородиной и коврами.

Если у кого деньги, тот чувствует себя, как рыба в море, на Смоленском рынке. Искупался Василий Рогов в океане и выплыл с сарогами и финским ножом. Сапоги - это понятно. Сапоги давно нужно было купить, ну, а финский нож к чему? Купился он сам собой как-то.

Когда Рогов отсчитал два червя за сапоги в палатке, вырос из-под земли человек с кривым глазом и почему-то в генеральской шинели и заметил гнусаво:

- Сапоги купили, папаша? Отличные сапоги. Ну, а такой финский нож вы видали?

И тот сверкнул перед Роговым убийственной сталью.

- Не нужно, - сказал Рогов, уминая под мышку сапоги.

- Шесть рублей финка стоит, - сообщил человек, - а я отдаю за четыре и только по случаю ликвидации лавки.

- Никакой у тебя лавки нету, - возразил с презрением Рогов и подумал: „Сколько этих жуликов на Смоленском! Ах, боже мой!“

- Таким ножом, если махнуть человека под ребро, - сладостно заговорил человек, пробуя пальцем коварное лезвие, - то любого можно зарезать.

- Ты смотри, тут и милиционеры есть, - ответил Рогов, пробираясь в чаще спин.

- Берите, ножик, отец, за три с полтиной, - гнусавил человек, и дыхание его коснулось крутой шеи Василия Рогова, получившего неизвестно за что в пекарне обидное прозвище Таракан: - Вы говорите цену, папаша! На Смоленском молчать не полагается,

В это время гармония запела марш и весь рынок залила буйной тоской.

- Рубль! - сказал, хихикнув, Таракан, чувствуя счастье благодаря сапогам.

- Берите! - крикнул человечешко и нож всунул в голенище новых Таракановых сапог.

И сам не зная как, Таракан выжал из-за пазухи кошель, крепко зажал меж пальцами левой руки пять червонцев, - примеры всякие бывают на Смоленском рынке! - а правой выдернул желтый рубль.

Таким образом, наградили Таракана финкой. Видимо, караулила пекаря беда.

Страшно расстроен был Таракан вследствие покупки ненужной вещи. „Что я, в самом деле, людей, что ли, резать им буду?“ Поэтому пришлось Таракану зайти в пивную. Выпив две бутылки пива, Таракан почувствовал, что ножик не так уж не нужен. „Молодецкая вещь - финка“, - подумал пекарь и вышел на Новинский бульвар.

До чего здесь было оживленно! Фотограф снимал на фоне экрана, изображающего Кремль над густой и синей рекой Москва-рекой, девицу с розой в волосах. Стоял человек с трахой и пел тоскливо и страшно. Китаец вертел погремушкой, и шел народ и назад, и вперед. И тут услышал Таракан необыкновенный голос, всем заявляющий громко и отчетливо:

- У меня денег воз - дядя из Японии привез.

А потом голос так сказал:

- А сам не кручу, не верчу, только денежки плачу.

И действительно, сам он не крутил. Деревянный, восьмигранный волчок крутил тот, кто ставил. А ставить можно было на любой из восьми номеров. А номер на доске, а доска на обыкновенном ящике, а полукружием вокруг ящика мужчины.

- Игра, - заметил голос, - без обману и шансов. Каждый может выиграть жене на печенку, себе на самогонку. Детишкам на молочишко.

Как родной голос совсем звучал. Как дома. Потная молодая лич-

ность в кепке все ставила по три копейки на 8-й номер, а он все не выпадал. А потом, как выпал, - выдал голос кепке пятиалтынный. Кепка потной рукой поставила пяточок и - хлоп - 8! Двадцать пять копеек. Он - гривенник (кепка) - и 8! Чудеса - подряд. Полтинник. Голосу хоть бы что, хоть бы дрогнул - платит и платит. Кепка опять гривенник на 8-й, только он уже не выпал. Нельзя же вечно!

Еще кто-то три копейки поставил на 2-й номер. А на волчке вышло 3.

- Эх, рядом надо было! - сказал кто-то.

- Не угадаешь.

Таракан уже был у самого ящика. Финку переложил из голенища за пазуху к кошелю для верности - все бывало на Новинском бульваре!

Кепка поставила гривенник на 7-й, выпал 7-й. Опять полтинник.

- За гривенник - даю полтинник, а за двугривенный - рубль! - равнодушно всех оповестил голос.

Таракан молодецки усмехнулся бодрый от пива, и смеху ради поставил на 3-й номер три копейки, но вышел 5-й.

- Чем дальше играешь, тем игра веселей! - голос сказал. Таракан пяточок мелкой медью поставил на 4-й номер и угадал. Голос выдал Таракану четвертак.

- Ишь ты! - шепнули в полукружии.

Таракан как-то удивился, сконфузился и гривенник бросил на 8-й. Теперь сердце в нем екнуло, пока волчок, качаясь, кривлялся на доске. И упало холодно. Не упал 8-й, а 1-й вместо него. Жаль стало почему-то гривенника. „Эх, не нужно было ставить, забрал бы четвертак и ушел. А тут казнь!“

Через четверть часа полукружие стало плотнее, гуще, в два ряда. И все отшились, до того всех размахом забил Таракан. Теперь Таракан ничего не видел вокруг, только лепешки без глаз вместо лиц. Но лицо голоса видел отлично - на лице, словно постным маслом вымазанном, бритом с прыщом на скуле, были агатовые прехолодные глаза. Спокоен был голос, как лед. А Таракан оплывал. Не узнала б Таракана родная мать. Постарел, углы губ обвисли, кожа на лице стала серая и нечистая, а водянистые глаза зашли к небу.

Таракан доигрывал пятый, последний червонец. Серый червонец, вылежавшийся за пазухой, Таракан вынул, и владелец ящика его разменял так: рваный рубль, новый рубль, зеленая трешка и то-

ленькая, как папиросная бумажка, выдавшая виды пятерка. Таракан поставил рубль, еще рубль, не взял. „Что ж это я по рублю да по рублю?“ - вдруг подумал и почувствовал, что падает в бездну. Трешку! И трешка не помогла. Тогда Таракан шлепнул пятерку, и все мимо поплыло по Новинскому бульвару, когда лапа голоса, похожая на воронью, смахнула пятерку с доски. Никто не шелохнулся вокруг, весь мир был равнодушен к злостной Таракановой судьбе. Владелец же ящика вдруг снял доску, взял ее под одну мышку, а ящик под другую - и в сторону.

- Пстой! - хрипло молвил Таракан и придержал голос за рукав.

- Погоди-ка!

- Чего годить-то? - ответил голос. - Ставок больше нет. Домой пора.

- Еще сыграю, - чужим голосом заметил Таракан, вынул сапоги и сразу в тумане нашел покупателя.

- Купи сапоги, - сказал он и увидел, что продает сапоги той кепке, что первая начала игру. Кепка презрительно оттопырила губу, и тут поразился Таракан тому, что у кепки было такое же масляное лицо как и у голоса.

- Сколько? - спросила кепка, постукивая по подошве расщепленным большим ногтем.

- Двадцать! - кашлянув, вымолвил Таракан.

- 12, - нехотя сказала кепка и повернулась уходить.

- Давай, давай! - отчаянно попросил Таракан.

Кепка свистя через губу, крайне вяло вынула из кармана сального френча червь и два рублика и дала их Таракану. Ящик вернулся на место, и легче немного стало Таракану. Он проиграл по рублю пять раз подряд. На счастливый 3-й номер поставил рубль и получил пять. Тут испуг червем обвил сердце Таракана. "Когда же я отыграюсь?" - подумал он и поставил пять на 6-й.

- Запарился парень! - далеко заметил кто-то.

Через минуту чисто было перед Тараканом. Ящик уплыл, доска уплыла, и люди разошлись. Бульвар жил, равнодушный к Таракану, китаец стрекотал погремушкой, а вдали переливались свистки - пора рынок кончать.

Воспаленными глазами окинул Таракан бульвар и ныряющей вол-

чьей походкой догнал кепку, уносившую сапоги. Пошел рядом, кепка покосилась и хотела свернуть вон с бульвара.

- Нет, ты так не уходи! - не узнав своего голоса, молвил Таракан. - Как же это так?

- Чего тебе надо? - спросила кепка, и трусливо забегали его глаза.

- Ты какой же червонец мне дал за сапоги? А? Отвечай!

Свет отчаяния вдруг озарил Тараканову голову, и он все понял. На червонце было чернильное пятно. Знакомое Таракану. Вчера это пятно на червонце получил Таракан в жаловании в пекарне. Он голосу проиграл этот червонец, как же он оказался у того, кем звалась кепка, и Таракан понял, что она, кепка, заодно с голосом. Значит, червонец голос передал кепке? Не иначе.

- Отойди от меня, пьяница! - сурово сказала кепка.

- Я пьяница? - голос Таракана стал высок и тонок. - Я-то не пьяница. А вы сообщники. Злодеи! - выкрикнул Таракан.

Прохожие брызнули в стороны.

- Я тебя не знаю! - неприязненно отозвалась кепка, и Таракан понял, что она ищет лаз в газоне.

Таракан вдруг заплакал навзрыд.

- Погубили меня, - содрогаясь, говорил он, - убили человека. Деньги профсоюзные ... Мне их сдавать в кассу. Под суд идти! - весь мир заволочло слезами, и кепка смягчилась.

- Что ты, голубчик? - задушевно заговорила она. - Я сам, голубчик мой, проигрался. Сам лишился всего. Ты иди, проспись,

- Сапог мне не жалко, - мучаясь выговорил Таракан, - а пятьдесят не мои. Делегат я. Сироту погубили. Жулики! - внезапно то-
ненько закричал Таракан. Кепка нахмурилась,

- Пошел ты от меня к чертовой матери! - рассердилась она лицом, а глаза по-прежнему бегали. - Я тебя в первый раз в жизни вижу.

- Верни этого с ящиком! - не помня себя, бормотал Таракан, наступая на кепку. - Подай мне его сейчас! А то я вас власти отдам! Куда же это милиция смотрит? - в ужасе спросил Таракан у любопытной старушечьей мордочки в платке.

Наложила на себя мордочка крестное знамение и мгновенно провалилась в газон. Мальчишки засвистели кругом, как соловьи.

- А ты дай ему, дай, что долго разговаривать! - посоветовал чей-то гнилой голос.

Кепкины глаза теперь ходуном ходили, вертелись, как мыши.

- Отцепись от меня, падаль! - сквозь зубы просвистела кепочка - Никакого я ящика не видел.

- Врешь! Мошенник! Я вас насквозь вижу! - рыдающим голосом воскликнул Таракан, - Мои сапоги за мой же червонец купил!

- Что на них, свои клейма, что ли? - спросила кепочка и косо подалась в сторону. - Я их купил совсем у другого человека, высокого роста с бельмом, а ты маленький - Т-таракан! Обознался, гражданин! - сладко заметила кепочка, улыбаясь любопытным зрителям одними постными щеками. - А теперь мне голову морочит. Ну, отойди, зараза! - вдруг фыркнула она кошачьим голосом и, как кошка, пошла - легко, легко. Клеш замотался над тупоносими башмаками.

- Говорю, лучше остановись! - глухо бубнил Таракан, цепляясь за рукав: - Предаю тебя ответственности! Люди добрые...

- Эх, надоел! - сверкнув глазками, крикнула кепочка и сухим локтем ударила Таракана в грудь.

Воздуху Таракану не хватило. "Погибаю я, делегат злосчастный, - подумал он. - Уходит... злодей..."

- Ты остановишься? - белыми губами прошептал Таракан и поймал кошачий зрачок отчаянным своим глазом. В зрачке у кепки была уверенность, решимость, не боялась кепка коричневого малого Таракана. Вот сейчас вертушка-турникет, и улизнет кепочка с Новинского!

- Стой, стой, разбойник! - сипел Таракан, закручивая двумя пальцами левой руки скользкий рукав. Кепка молча летела к турникету.

- Милиция-то где же? - задыхаясь, шепнул Таракан.

Таракан увидел мир в красном освещении. Таракан вынул финку и в неизбытной злобе легко ударил ею кепку в левый бок. Сапоги выпали из кепкиных рук на газон. Кепка завернулась на бок, и Таракан увидел ее лицо. На нем теперь не было и признаков масла, оно мгновенно высохло, похорошело, и мышинные глазки превратились в огромные черные сливы. Пена клоком вылезла изо рта. Кепка, хрипнув, возвела руки к небу и качнулась на Таракана.

- Ты драться?.. - спросил Таракан, отлично видя, что кепка драться не может, что не до драки кепке, не до сапог, ни до чего! - Драться?.. Ограбил и драться? - Таракан наотмашь кольнул кепку в горло, и пузыри выскочили розового цвета на бледных губах. Экстаз и упоение заволокли Таракана, Он полоснул кепку по лицу, и еще раз, когда кепка падала на траву, чуркнул по животу. Кепка легла в зеленую новинскую траву и заляпала ее пятнами крови. "Финка - знаменитая... вроде как у курицы кровь человечья", - подумал Таракан.

Бульвар завизжал, заревел и тысячные, как показалось, толпы запрыгали, заухали вокруг Таракана.

"Погиб я, делегат жалкий, - помыслил Таракан, - черная моя судьба. Кто ж это мне, дьявол, ножик продал и зачем?"

Он швырнул финку на траву, прислушался, как кепка, вся в пузырях и крови, давится и умирает. Таракану стало жалко кепку и почему-то того жулика с ящиком... "Понятное дело... он на хлеб себе зарабатывает... Правда, жулик... но ведь каждый крутится, как волчок..."

- Не бейте меня, граждане, - тихо попросил пропаций Таракан, боли от удара не почувствовал, а только догадавшись по затемненному свету, что ударили по лицу, - не бейте, товарищи! Делегат я месткома пекарни № 13... Ох не бейте. Профсоюзные деньги проиграл, жизнь загубил свою. Не бейте, а вяжите! - молвил Таракан, руками закрывая голову.

Над головой Таракана пронзительно, как волчки, сверлили свистки.

"Ишь, сколько милиции... Чрезвычайно много набежало, - думал Таракан, отдаваясь на волю чужим рукам, - раньше б ей надо было быть. А теперь все равно..."

- Пускай бьют, товарищ милицейский, - глотая кровь из раздавленного носа, равнодушно сказал Таракан, понимая только одно, что его влекут сквозь животы, что ноги его топчут, но уже по голове не бьют. - Мне это все равно. Я неожиданно человека зарезал вследствие покупки финского ножа.

"Как в аду суматоха, - подумал Таракан, - а голос распорядительный..."

ДЕТСКИЙ РАССКАЗ

Громадный зал был заполнен детишками разного возраста и пола. Детишки любовались елкой, поставленной в центре помещения по случаю наступающего Нового года. Глазенки их сверкали радостью. Детишки с нетерпением ожидали Деда Мороза.

И вот, дверь открылась и все ахнули потому, что вместо Деда Мороза появился закутанный в шубу и в теплой шапке дядя Яков Леонтьевич.

- Не удивляйтесь, малютки, - звучно сказал Яков Леонтьевич, - Дед Мороз простудился и поручил мне исполнить его обязанность. А вы, ведь, знаете, что я привык быть исполняющим обязанности, - добавил Яков Леонтьевич и скромно при этом улыбнулся.

Исполняющий обязанности Деда Мороза поставил на стол громадную корзинку с подарками и скомандовал:

- Подходите, малыши!

Первому подбежавшему мальчику наш Дед Мороз вручил будильник и заговорил наставительно:

- Это нехитрая, но необыкновенно полезная машинка, и ты должен к ней привыкать с детства. Ты вырастешь, и вообрази, тебя могут сделать художественным руководителем в каком-нибудь театре...

- И очень даже просто, - подтвердил мальчик.

- Ну вот, видишь, - говорил наш Дед Мороз, - тебе нужно будет аккуратно являться на репетиции в точно назначенный час. Чтобы не опоздать, тебе стоит только поставить рычажок на этот самый час, завести машинку, и когда этот час настанет, она громким, бодрим звоном даст тебе знать, что задерживаться больше нельзя и ты должен идти куда надо.

- Ах, какая прелесть! - воскликнул мальчик, - я никогда не видел такого чуда. Это прямо техника на грани фантастики. Если бы у меня раньше была такая штука, я бы никогда не опаздывал в школу!

Он стал вертеть в руках будильник и заводить его, и заводил до тех пор, пока не сломал.

- Ай-яй-яй, - укоризненно сказал Яков Леонтьевич, - ведь ты опять будешь опаздывать.

- Буду, - согласился мальчик и отошел.

- Ну подожди теперь ты, милый Боренька, - сказал Дед, маня к

себе пальцем мальчика, у которого на шее был толстый вязанный шарф. - На тебе конвертик с подарком.

Никакой радости не вызвал этот конвертик у мальчика Бори. На конверте было написано:

"От мальчика Гарри - мальчику Боре. Отдельные замечания Гарри к постановке "Ивана Сусанина".

- Ненавижу я этого Гарри, - нервничая, захныкал Боренька, - всеми фибрами души. Замучил он меня своими замечаниями. - И тут же Боренька разорвал конвертик в мелкие клочья.

- Не надо нервничать, Боренька, - поучал его наш Дед Мороз. - Бери пример с Васи. - И он указал пальцем на Васю, - тот никогда никого не обижает и никому не грубит. И в знак этого я вручаю ему книжечку "Правила тактичного поведения". Это хорошая книжечка. Получай, Васенька.

Вася принял книжечку, шаркнул ножкой и не нагрубил Деду Морозу потому, что он был тихий и смирный мальчик.

Мальчику же Гарри досталась маска Мефистофеля, чему он был очень рад.

- Ты, милый Володя, превосходно танцуешь, - говорил Яков Леонтьевич, - вот тебе за это новенькая матросская куртка. Смотри, какая красивая!

- Ах, спасибо! - воскликнул Володя и в радости тут же лихо сплясал танец из "Броненосца Потемкина".

- Молодец! - одобрил его Дед и продолжал поучать детишек: - под Новый год нужно плясать и веселиться, а вовсе не ссориться, как, например, это делают Вера и Маня. И, вот, чтобы они никогда не ссорились, я дарю им пальмовую веточку мира. - И Верочка и Манечка очень обрадовались подарку, но из-за него-то именно и поссорились тут же. - Ведь веточка-то была одна, а девочек двое.

- Не надо, не надо, девочки, - вздыхая говорил Дед и продолжал: - Не надо обижать друг друга. Берите пример с Тиши. Он как увидит кого-нибудь, сейчас его и стиснет в объятиях. Только ты, Тишенька, будь осторожней. Ведь сила у тебя богатырская. Стиснешь ты когда-нибудь товарища, да и отлочишь ему руку. Каково-то будет ему? И мама его будет плакать. На тебе, Тиша, боксерские перчатки!

А тебе, Ванечка, одна девочка просила передать на память свои локоны. Получай! Она слыхала твое пение и говорила, что ты поешь, как соловей. Но мама, правда, ругала ее за то, что она отрезала

локоны.

- А на что мне ее локоны? - сказал Ваня, мрачно глядя на локоны. - Другим, небось, ручки дарят, или автомобиль, или лошадь, а мне локоны. Ишь, хитрые!

- Ручку, - поучительно говорил Дед строптивому Ване, - я подарил Юрочке - альпинисту. Он сломал свою ручку потому, что много пишет. А вот, например, Васе Булдакову мы ручку не подарим, потому что он ничего не пишет нам для "Советского артиста", хоть и сидит в двух шагах от него.

- Иди сюда, Петенька - продолжал Дед и вручил Петеньке хороший деревянный домик, - ты живешь в общежитии и тебе все мешают. Так вот тебе домик, любуйся на него.

- Чего мне на домик любоваться! - резонно ответил Петя, - вы бы мне лучше настоящую квартиру подарили.

- Нету у меня в корзине настоящих квартир, - вздохнув, ответил Дед. - Вот коньки, например, есть.

И он подарил коньки Осе, хоть Ося и без коньков прекрасно катается на льду.

- Самоварчик, - говорил симпатичный Дед, - я дарю Лушеньке и мальчику Давыдову. Когда они вырастут, они поженятся.

Последний подарок - книжечку Дед вручил девочке-черкешенке и мальчику Мише.

- Вы любите разговаривать друг с другом, - говорил Дед, - а разговаривать-то вам никак невозможно потому, что она черкешенка, а ты, Миша, по-черкесски понимать не можешь. Так вот вам русско-черкесский словарь.

И Дед закрыл свою опустившую корзину, приветливо помахал детишкам и удалился.

А детки стали веселиться возле елки.

Чего и вам от всего сердца на Новый год желаем!

ПРИМЕЧАНИЯ

Каэнпе и Капе (стр. 13 - 18)

Первая публикация: в "Голосе работника просвещения", 1923, № 4, стр. 19 - 21.

В школе городка III Интернационала (стр. 19 - 22)

Первая публикация: в "Голосе работника просвещения", 1923, № 4, стр. 22 - 23.

1-ая детская коммуна (стр. 23 - 27)

Первая публикация: в "Голосе работника просвещения", 1923, № 5 - 6, стр. 30 - 32. *Перепечатка:* в "Семье и школе", 1966, № 11, стр. 38 - 39. *Немецкий перевод:* в книге: Michail Bulgakov, Ich habe getötet. Kurzprosa 1921 - 1926. Hg. Ralf Schröder. Deutsch von Thomas Reschke. Diogenes Taschenbuch 21009. (Zürich) 1982. стр. 207 - 213. Немецкий текст основывается на советском переиздании.

В театре Зимины (стр. 28 - 29)

Первая публикация: в "Гудке", 11.2.1923.

Птицы в мансарде (стр. 30 - 33)

Первая публикация: в "Голосе работника просвещения", 1923, № 7 - 8, стр. 36 - 38.

Остерегайтесь подделок (стр. 34 - 35)

Первая публикация: в "Дрезине", 1923, № 12 (XI), стр. 2.

Арифметика (стр. 36 - 37)

Первая публикация: в "Дрезине", 1923, № 13 (XI), стр. 2

Тайны мадридского двора (стр. 38 - 40)

Первая публикация: в "Гудке", 1.11.1923.

Стр. 39, 16: "и есть инструментальщик". Так в списке.

Ноября 7-го дня (стр. 41 - 42)

Первая публикация: в "Гудке", 9.11.1923.

Как он сошел с ума (стр. 43 - 45)

Первая публикация: в "Гудке", 20.1.1924, стр. 2.

Часы жизни и смерти (стр. 46 - 48)

Первая публикация: в "Гудке", 27.1.1924, стр. 3.

Московский Вавилон (стр. 49 - 53)

Первая публикация: в "Бакинском рабочем", 30.3.1924, стр. 4.
Стр. 51, 23: "расхлистанный". Так в списке.

Обмен веществ (стр. 54 - 55)

Первая публикация: в "Смехаче" (Ленинград), 1924, № 19, стр. 18.

Повесили его или нет (стр. 56 - 59)

Первая публикация: в "Гудке", 21.5.1924, стр. 3.

Пустыня Сахара (стр. 60 - 65)

Первая публикация: в "Гудке", 8.6.1924, стр. 4.
Стр. 61, 6: "напирается". Так в списке.

Незаслуженная обида (стр. 66 - 67)

Первая публикация: в "Гудке", 13.6.1924, стр. 3.

Банные дела (стр. 68 - 72)

Первая публикация: в "Гудке", 9.7.1924, стр. 6.
Стр. 70, 3: "жестокое". Так в списке.

Допрос с беспристрастием (стр. 73 - 74)

Первая публикация: в "Гудке", 9.8.1924, стр. 1.

Кривое зеркало. Три застенка (стр. 75 - 78)

Первая публикация: в "Бакинском рабочем", 18.8.1924, стр. 5.

Как бороться с "Гудком" (стр. 79 - 80)

Первая публикация: в "Гудке", 20.8.1924, стр. 6.

Ре-ка-ка (стр. 81 - 82)

Первая публикация: в "Гудке", 5.9.1924, стр. 4.

Проглоченный поезд (стр. 83 - 84)

Первая публикация: в "Гудке", 16.10.1924, стр. 3.

Гибель Шурки-уполномоченного (стр. 85 - 86)

Первая публикация: в "Гудке", 16.11.1924.

Круглая печать (стр. 87 - 89)

Первая публикация: в "Гудке", 11.1.1925, стр. 3.

Приключения стенгазеты (стр. 90 - 92)

Первая публикация: в "Гудке", 5.2.1925, стр. 4.

Стр. 92, 8: "что в один прекрасный день..." - подразумевается "меня".

Удачные и неудачные роды (стр. 93)

Первая публикация: в "Гудке", 8.2.1925, стр. 4.

Свадьба с секретарями (стр. 94 - 95)

Первая публикация: в "Гудке", 18.4.1925, стр. 4.

Золотые корреспонденции. Письмо сопроводительное (стр. 96)

Первая публикация: в вечернем выпуске "Красной газеты" (Ленинград), 30.4.1925, стр. 4. В вечернем выпуске "Красной газеты" тоже были опубликованы корреспонденции "Несгораемый американский дом" (30.4.1925) и "Лжедмитрий Луначарский" (26.5.1925). Здесь перепечатано лишь "Письмо сопроводительное", потому что его нет в книжном варианте этого цикла. Первая публикация всех четырех корреспонденций в кн.: М. Булгаков, Рассказы. Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала "Смехач". Ленинград 1926, стр. 15 - 29. Перепечатка корреспонденций "Несгораемый американский дом", "Лжедмитрий Луначарский" и "Ванькин дурак" в кн.: М. Булгаков, Ранняя несобранная проза. München 1978, стр. 149 - 155 и в "Русской мысли", 26.7.1973, стр. 8. Четвертая корреспонденция "Брандмейстер Пожаров" переиздана в кн.: М. Булгаков, Ранняя неизданная проза. München 1976, стр. 155 - 156.

Ванькин-дурак (стр. 97 - 99)

Текст печатается по варианту, впервые опубликованному в "Бузотере", 1925, № 19, стр. 2. Хотя рассказ был уже переиздан в кн.: М. Булгаков, Ранняя несобранная проза. München 1978, стр. 154 - 155 и в "Русской мысли", 26.7.1973, стр. 8, текст из "Бузотера" здесь воспроизведен целиком, так как в нем обнаруживаются различия от книжной редакции, на которой основывается перепечатка в "Ранней несобранной прозе" и в "Русской мысли". (М. Булгаков, Рассказы. Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала "Смехач". Ленинград 1926, стр. 23 - 26).

Шпрехен зи дейтч? (стр. 100 - 101)

Первая публикация: в "Бузотере", 1925, № 19, стр. 4 - 5.

Угрызаемый хвост (стр. 102 - 103)

Первая публикация: в "Бузотере", 1925, № 20, стр. 4. *Перепечатка:* в кн.: Растраты и растратчики. Составитель Ф. Благов. Москва-Ленинград 1926. стр. 14 - 16.

Караул (стр. 104 - 106)

Первая публикация: в "Журналисте", 1925, № 6 - 7, стр. 65. *Одинаковые перепечатки:* в "Литературной газете", 4.9.1974, стр. 16 и в кн.: М. Булгаков, Ранняя несобранная проза. München 1978. стр. 96 - 97. "Караул" снова печатается, так как в переиздании в "Литературной газете" обнаруживаются крупные цензурные искажения. Во время составления "Ранней несобранной прозы" первоначальный вариант доступным не был.

Дрожжи и записки (стр. 107 - 108)

Первая публикация: в "Гудке", 30.7.1925, стр. 3.

Английские булавки (стр. 109 - 110)

Первая публикация: в "Бузотере", 1926, № 11, стр. 4.

Акафист нашему качеству (стр. 111 - 113)

Первая публикация: в вечернем выпуске "Красной газеты" (Ленинград), 15.5.1926, стр. 2

Привычка (стр. 114 - 115)

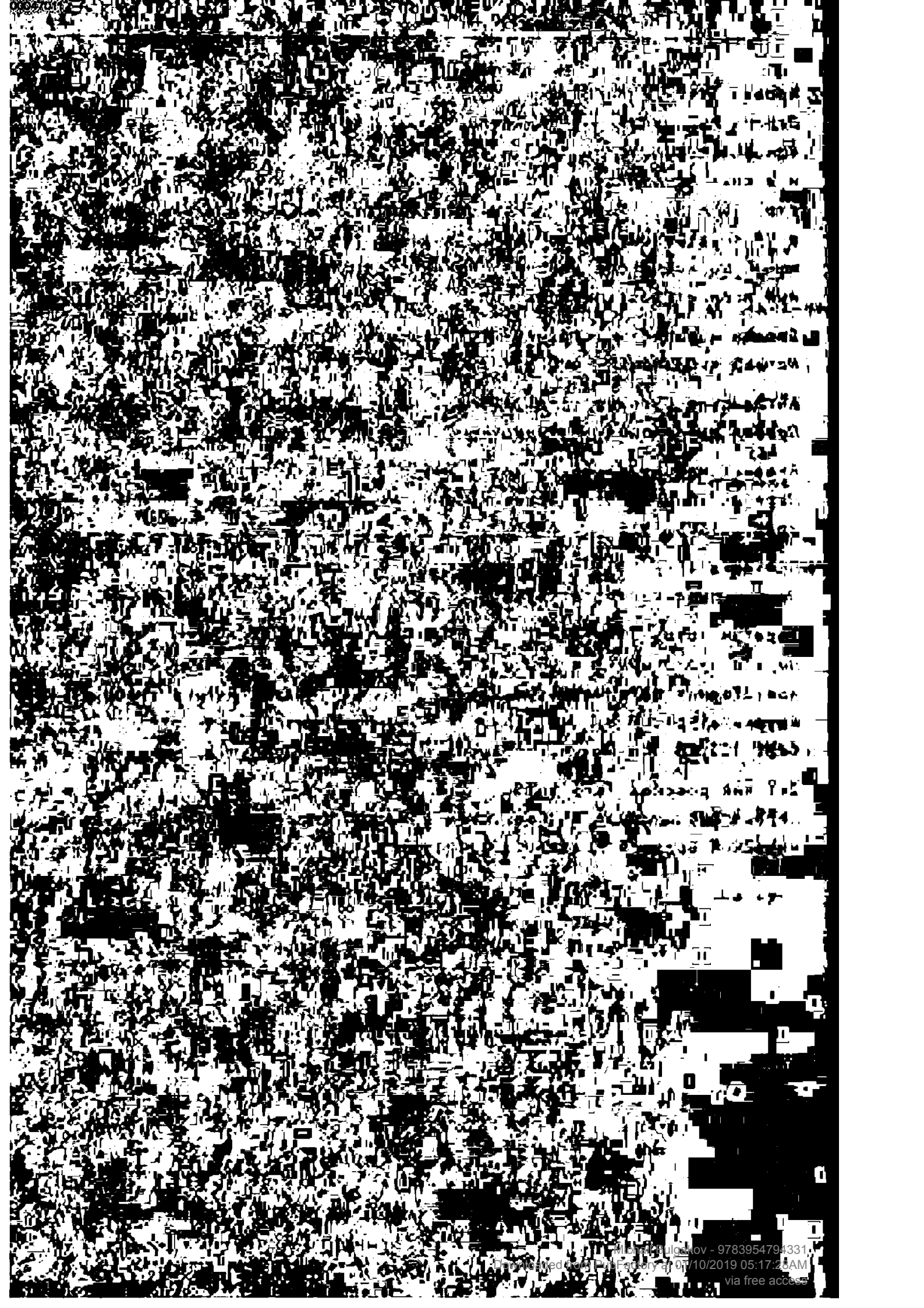
Первая публикация: в "Бузотере", 1927, № 15, стр. 11.

Таракан (стр. 116 - 124)

Первая публикация: в "Заре Востока" (Тбилиси) в начале 20-х годов. Точная дата не установлена. *Перепечатка:* в "Литературной Грузии" 1981, № 8, стр. 167 - 175. Публикация Н. Дроздова. Стр. 123, 6: "чуркнул" - очевидно опечатка. Следует "чиркнул".

Детский рассказ (стр. 125 - 127)

Первая публикация: в "Советском артисте" (Государственный Академический Большой театр), 1.1.1939.

ОБЩИЙ АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

произведений М.А. Булгакова, входящих в сборники серии "Arbeiten und Texte zur Slavistik" 12, 20, 24, 29. (Указываются том и страница)

Ранняя неизданная проза 1976 (12)
 Ранняя несобранная проза 1978 (20)
 Ранняя неизвестная проза 1981 (24)
 Забитое. Ранняя проза 1983 (29)

- Акафист нашему качеству 29, 111 В театре Зимина 29, 28
 Английские булавки 29, 109 В школе городка III Интернационала 29, 19
 Аптека 24, 123
 Арифметика 29, 36 Выбор курорта 24, 193
- Багровый остров 12, 158 Гениальная личность 20, 67
 Банан и сидараф 24, 106 Геркулесови подвиги светлой памяти брандмейстера Назарова 20, 43
 Банские дела 29, 68 Гибель Шурки-уполномоченного 29, 85
 Банщица-Иван 20, 81 Глав-полит-богослужение 20, 55
 Белобрисова книжка 12, 150 Говорящая собака 24, 47
 Бенефис Лорда Керзона 12, 85 Горемыка-Всеволод 20, 112
 Беспокойная поездка 20, 35 Громкий рай 24, 188
- Библифетчик 20, 62
 Благим матом 24, 165
 Богема 20, 205
 Брачная катастрофа 24, 69
 Бубновая история 20, 130
 Буза с печатями 24, 150
- Ванькин-дурак (Золотые корреспонденции Феропонта Феропонтовича Капорцева) 20, 154
 Ванькин-дурак (другой вариант) 29, 97
 Вечерок у Василисы 12, 186
 В ночь на 3-е число 12, 34
 "Вода жизни" 20, 156
 Война воды с железом 24, 97
 Воспаление мозгов 20, 143
- Двуликий Чемс 20, 90
 День нашей жизни 12, 123
 Детский рассказ 29, 125
 Динамит!!! 24, 171
 Документ-с 24, 71
 Допрос с беспристрастием 29, 73
 Дрожжи и записки 29, 107
- Египетская мумия 20, 162
 Желанный платило 24, 113
 Заколдованное место 24, 125
 Залог любви 24, 132
 Записки на манжетах 12, 11 и 197

- Запорожцы пишут письмо турецкому султану 24, 152
- Заседание в присутствии члена 20, 58
- Звездная сирень 20, 212
- Звуки польки неземной 24, 104
- Золотистый город 12, 134
- Золотые документы 12, 155
- Золотые корреспонденции (вариант "Письма сопроводительного") 29, 96
- Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева 20, 149
- Игра природы 20, 58
- Как бороться с "Гудком" 29, 79
- Как Бутон женился 24, 147
- Как, истребляя пьянство, председатель транспортников истребил 24, 66
- Как на теткин деньги местком подарок купил 24, 163
- Как он сошел с ума 29, 43
- Как разбился Бузигин 24, 25
- Как школа провалилась в предисподню 24, 61
- Караул! 20, 96
- Караул! (полный вариант) 29, 104
- Казнь и Капе 29, 13
- Киев-город 12, 98
- Когда мертвые встанут из гробов 20, 103
- Колесо судьбы 20, 139
- Коллекция гнилых фактов 24, 128
- Колибель начальника станции 24, 80
- Комаровское дело 12, 92
- Кондуктор и член императорской фамилии 20, 76
- Красная корона 12, 28
- Кривое зеркало. Три застенка 29, 75
- Круглая печать 29, 87
- Крисиний разговор 24, 45
- Кулак бухгалтера 24, 160
- Лестница в рай 20, 39
- Летучий голландец 20, 108
- Лжедмитрий Луначарский (Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева) 20, 151
- Лихующий вокзал 20, 115
- Мадмазель Жанна 20, 73
- Мертвые ходят 24, 169
- Мне приснился сон 20, 237
- Морфий 24, 210
- Москва 20-х годов 12, 174
- Москва краснокаменная 12, 23
- Московские сцены 12, 78
- Московский Вавилон 29, 49
- Музыкально-вокальная катастрофа 20, 126
- На каком основании десятник женился?! 24, 63
- Налет 20, 182
- На чем сидят люди 24, 178
- Негритянское происшествие 24, 158
- Неделя просвещения 20, 23
- Незаслуженная обида 29, 66
- Необикновенные приключения доктора 20, 171
- Не свихи 24, 82
- Несгораемый американский дом (Золотые корреспонденции Ферапонта Ферапонтовича Капорцева) 20, 149

- Не те брюки 24, 167
 Неунывающие бодистки 20, 79
 Новый способ распространения книги 24, 91
 Ноября 7-го дня 29, 41

 Обмен веществ 29, 54
 Они хочут свою образованность показать... 20, 70
 О пользе алкоголизма 20, 84
 Остерегайтесь подделок! 29, 34
 Охотники за черепами 20, 47

 Паршивый тип 20, 117
 Первая детская коммунка 29, 23
 Пивной рассказ 24, 64
 Площадь на колесах 20, 159
 Повесили его или нет 29, 56
 Повестка с государем императором 24, 93
 По голому делу 24, 87
 Под мухой 24, 102
 Под стеклянным небом 12, 74
 Пожар 20, 106
 По поводу битва жен 20, 101
 По телефону 24, 118
 Праздник с сифилисом 24, 142
 Привичка 29, 114
 При исполнении святых обязанностей 24, 155
 Приключение покойника 20, 51
 Приключения стенгазеты 29, 90
 Проглоченный поезд 29, 83
 Просвещение с кровопролитием 20, 45
 Псалом 12, 129
 Птица в мансарде 29, 30
 Пустыня Сахара 29, 60

 Путевые заметки 12, 89
 Путешествие по Крыму 24, 196
 Пьяный паровоз 24, 189

 Работа достигает 30 градусов 20, 93
 Радио-Петя 24, 184
 Развратник 20, 136
 Рассказ Макара Девушкина 24, 52
 Рассказ про Поджилкина и крупу 24, 84
 Рассказ рабкора про лишних людей 24, 100
 Ревизия 24, 130
 "Ревизор" с вишибанием 24, 115
 Ре-ка-ка 29, 81
 Роль-Ройс или Доберман-Пинчер 24, 17
 Ряд изумительных проектов 24, 140

 Самогонное озеро 12, 112
 Самоцветный быт 12, 108
 Сапоги-невидимки 24, 55
 Свадьба с секретарями 29, 94
 Сентиментальный водолей 24, 174
 Серия ноль шесть № 0660243 24, 33
 Сильнодействующее средство 24, 30
 Смуглявий матерщинник 24, 95
 Смичкой по черепу 20, 87
 С наступлением темноты 24, 138
 Собачья жизнь 24, 111
 Сорок сороков 12, 67
 Сотрудник с массой или свинство по профессиональной линии 24, 73
 Спектакль в Петушках 20, 41
 Спиритический сеанс 20, 28
 Стенка на стенку 24, 88
 Столица в блокноте 12, 47

- Страдалец-папаша 20, 110
 Счастливчик 24, 109
- Тайна несгораемого шкафа 20, 121
 Тайны мадридского двора 29, 38
 Таракан 29, 116
 Типаж 20, 165
 Торговый дом на колесах 24, 41
 Три вида свинства 20, 64
 Три копейки 24, 76
- Увертюра Шопена 24, 78
 Угризаемый хвост 29, 102
 Удачные и неудачные роды 29, 93
- Ханский огонь 20, 189
- Целитель 24, 121
- Часы жизни и смерти 29, 46
 Чаша жизни 12, 62
 Человек с градусником 20, 98
 Чемпион мира 24, 180
 Чертовщина 24, 135
- Шансон д'этэ 12, 118
 Шпрежен зи дейтч? 29, 100
- Электрическая лекция 24, 38
- Я убил 20, 226

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

- 1 Sabine Appel: Jurij Oleša. "Zavist'" und "Zagovor čuvstv". Ein Vergleich des Romans mit seiner dramatisierten Fassung. 1973. 234 S. DM 24.-
- 2 Renate Menge-Verbeeck: Nullsuffix und Nullsuffigierung im Russischen. Zur Theorie der Wortbildung. 1973. IV, 178 S. DM 18.-
- 3 Jozef Mistrík: Exakte Typologie von Texten. 1973. 157 S. DM 18.-
- 4 Andrea Hermann: Zum Deutschlandbild der nichtmarxistischen Sozialisten. Analyse der Zeitschrift "Russkoe Bogatstvo" von 1880 bis 1904. 1974. 198 S. DM 20.-
- 5 Aleksandr Vvedenskij: Izbrannoe. Herausgegeben und eingeleitet von Wolfgang Kasack. 1974. 116 S. DM 15.-
- 6 Volker Levin: Das Groteske in Michail Bulgakovs Prosa mit einem Exkurs zu A. Sinjavskij. 1975. 158 S. DM 18.-
- 7 Геннадий Айги: Стихи 1954 - 1971. Редакция и вступительная статья В. Казака. 1975. 214 S. DM 20.-
- 8 Владимир Казаков: Ошибка живых. Роман. 1976. 201 S. DM 20.-
- 9 Hans-Joachim Dreyer: Petr Veršigora. "Ljudi s čistoju sovest'ju". Veränderungen eines Partisanenromans unter dem Einfluß der Politik. 1976. 101 S. DM 15.-
- 10 Николай Эрдман: Мандат. Пьеса в трех действиях. Редакция и вступительная статья В. Казака. 1976. 109 S. DM 15.-
- 11 Karl-Dieter van Ackern: Bulat Okudžava und die kritische Literatur über den Krieg. 1976. 196 S. DM 20.-
- 12 Михаил Булгаков: Ранняя неизданная проза. Составление и предисловие Ф. Левина. 1976. 215 S. DM 24.-
- 13 Eva-Marie Fiedler-Stolz: Ol'ga Berggol'c. Aspekte ihres lyrischen Werkes. 1977. 207 S. DM 20.-
- 14 Christine Scholle: Das Duell in der russischen Literatur. Wandlungen und Verfall eines Ritus. 1977. 194 S. DM 20.-
- 15 Aleksandr Vvedenskij: Minin i Požarskij. Herausgegeben von Felix Philipp Ingold. Vorwort von Bertram Müller. 1978. 49 S. DM 8.-
- 16 Irmgard Lorenz: Russische Jagdterminologie. Analyse des Sprachgebrauchs der Jäger. 1978. 558 S. DM 60.-

ARBEITEN UND TEXTE ZUR SLAVISTIK
HERAUSGEGEBEN VON WOLFGANG KASACK

- 17 Vladimir Kazaков: Случайный воин. Стихотворения 1961 - 1976. Поэмы. Драммы. Очерк > Зудесник<. 1978. 214 S. DM 24.-
- 18 Angela Martini: Erzähltechniken Leonid Nikolaevič Andreevs. 1978. 322 S. DM 30.-
- 19 Bertram Müller: Absurde Literatur in Rußland. Entstehung und Entwicklung. 1978. 210 S. DM 24.-
- 20 Михаил Булгаков: Ранняя несобранная проза. Составление Ф. Левина и Л.В. Светина. Предисловие Ф. Левина. 1978. 250 S. DM 30.-
- 21 Die Russische Orthodoxe Kirche in der Gegenwart. Beiträge zu einem Symposium der Deutschen Gesellschaft für Osteuropakunde. Herausgegeben von Wolfgang Kasack. 1979. 86 S. DM 10.-
- 22 Георгий Оболдуев: Устойчивое неравновесье. Стихи 1923 - 1949. Составление и подготовка текста А.Н. Терезина. Предисловие А.Н. Терезина. Послесловие В. Казака. 1979, 176 S. DM 20.-
- 23 Wolfgang Kasack: Die russische Literatur 1945 - 1976. Mit einem Verzeichnis der Übersetzungen ins Deutsche 1945 - 1979. 1980. 72 S. DM 10.-
- 24 Михаил Булгаков: Ранняя неизвестная проза. Составление и предисловие Ф. Левина. 1981. 254 S. DM 32.-
- 25 Поэт-переводчик Константин Богатырев. Друг немецкой литературы. Ред.-сост. В. Казак с участием Л. Копелева и Е. Эткинда. 1982. 316 S. DM 34.-
- 26 Константин Вагинов: Собрание стихотворений. Составление, послесловие и примечания Л. Черткова. Предисловие В. Казака. 1982. 240 S. DM 26.-
- 27 Михаил Булгаков: Белая гвардия. Пьеса в четырех действиях. Вторая редакция пьесы "Дни Турбиных". Подготовка текста, предисловие и примечания Лесли Милн. 1983. 152 S. DM 18.-
- 28 Wolfgang Kasack: Die russische Literatur 1945 - 1982. Mit einem Verzeichnis der Übersetzungen ins Deutsche. 1983. 120 S. DM 15.-
- 29 Михаил Булгаков: Забытое. Ранняя проза. Составление и предисловие Фолькера Левина. 1983. 140 S. DM 18.-

M ü n c h e n · Verlag O t t o S a g n e r in Kommission

Bayerische
Staatsbibliothek
München